

Закон клыка

Автор:

Дмитрий Силлов

Закон клыка

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайпер #18

Снайпер почти дошел до своей цели.

Но «почти» еще не значит «дойти». Ведь в Зоне действуют жестокие, волчьи законы – у кого крепче и длиннее клыки, тот и решает судьбу остальных. В том числе: дать им достигнуть желаемого, или погибнуть в одном шаге от победы.

На этот раз на пути Снайпера встал действительно страшный противник, который намного быстрее и сильнее бывалого сталкера – жуткое порождение Монумента, специально созданное легендарной аномалией для того, чтобы убить Снайпера.

Сможет ли живой человек противостоять стальным клыкам чудовища, вылезшего из недр разрушенного Саркофага? Ведь вступить в бой с ним это все равно, что в одиночку бороться с самой Зоной...

Дмитрий Силлов

Закон клыка

© Д. О. Силлов, 2015

* * *

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи

и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к кинофильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанры» издательства АСТ и Вячеслава Бакулина, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ, за поддержку и продвижение проектов «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за ценные советы в процессе работы над романами литературных проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru (<http://www.sillov.ru/>) и www.real-street-fighting.ru (<http://www.real-street-fighting.ru/>);

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Семена «Мрачного» Степанова, Виталия «Винт» Лепестова и Сергея «Ион» Калининцева, за помощь в развитии проекта «Снайпер»;

а также Алексея Лагутенкова, сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Он хорошо усвоил закон дубины и клыка и никогда не давал никому пощады, не отступал перед врагом, стремясь во что бы то ни стало уничтожить его.

Джек Лондон. «Зов предков»

Удар был неожиданным.

Я едва успел чисто рефлекторно отклонить голову в сторону, как кулак размером с помойное ведро просвистел мимо моего уха. Неприятный сюрприз, когда ты сел за стол покушать, а тебе в череп летит такой вот аперитив.

Когда ты сидишь, а твой противник замахивается для второго удара, выбор у тебя небольшой. Мне мордатый официант только и успел принести стакан воды – его-то я и отправил в харю громиле, твердо вознамерившемся меня побить. Граненый советский стакан очень неплохое метательное оружие в плане расстройства планов противника. Ну, я их и расстроил, раскроив громиле бровь стеклянной гранатой.

Впрочем, от второго удара это меня не спасло. Если б не стакан, думаю, валяться бы мне в глубоком нокауте со сломанной челюстью. А так мой бросок следующий удар противника ослабил существенно, но не спас меня от звезд в глазах и вкуса крови, брызнувшей на мои зубы из рассеченной губы.

В дополнение к этому я еще и на спину опрокинулся вместе с табуреткой, на которой сидел. Правда, сразу же сделал перекат назад и встал на ноги.

Громила с лицом, залитым кровью из рассеченной брови, надвигался на меня словно разъяренный медведь. Признаться, этот бульдозер был крупнее меня раза в два, впору испугаться и сбежать от греха подальше. Но бежать все равно некуда – бар тесен, а позади уже зрители столпились, не пробиться.

Да и не привык я бегать от всяких придурков, пусть даже у них кулаки немногим меньше моей головы.

А еще я разозлился. Когда я в морду получаю, злюсь обычно сильно. Так-то я добрый по жизни, если меня не бесить, но когда мне кто-то стучит в мое лицо кулаками, словно в плотно закрытую дверь, у меня прям такая отзывчивость просыпается в душе. Как вот сейчас, например.

Ну, слизнул я, значит, кровь с губы, ухватил ту табуретку за ножки, да и ударил ею об пол со всей силы. Табуретка, само собой, разлетелась – сидуха в одну сторону, две ножки – в другую. А две у меня в руках остались. Тяжелые такие, а на концах – длинные острые щепки торчат. То, что надо.

Громила же пер вперед, видя лишь меня, гада такого, нечестным образом ему бровь расквасившего. Всегда меня такие люди поражали. Сперва сами напаскудят, потом получают ответку – и прям фигейт от удивления. Мол, как же так? Ну ладно я подошел и двинул мужику в морду, мне-то можно. А он, гад такой, как посмел на мою священную харю покуситься? Да я ж его, сволоту такую, за это щас как...

Замах у громилы был знатный. Словно рычаг катапульты назад оттянули, и прям сейчас полетит в меня увесистый заряд, от которого хрена с два спасешься...

Но я того заряда ждать не стал, а просто сделал длинный выпад вперед, ткнув при этом ножкой табуретки в морду нападающего, прям всем этим ворохом острых щепок – в подбородок.

Получилось некрасиво. Неэстетично. Громила был выше меня на голову, поэтому удар получился снизу вверх. Соответственно, щепки глубоко вошли в подбородок, разлохматили губы и в финале движения глубоко вошли в корень носа, точку крайне болезненную. Легкий удар в нее гарантированно сажает на пятую точку практически любого мужика – если, конечно, знаешь и умеешь пробивать этот удар. А уж если со всей дури в нее долбануть, эффект может быть вплоть до полной потери сознания.

Однако громилу мой тычок не вырубил. Только остановил, словно быка, с размаху напоровшегося на стену. Бах – и встал мясной бульдозер, криво слепленный его папой и мамой, а потом ими зачем-то выращенный. Стоит,

а с морды вниз кровяца хлещет из разодранной физиономии. И глаза кровью наливаются, обещая гаду ползучему, мне то есть, – ну все, мужик, сейчас я тебя не бить, а убивать буду!

Но не стал я дожидаться, пока меня станут убивать, а просто махнул ногой от бедра с подкруткой тазом, словно пенальти пробивал по воображаемому мячу, расположенному между ног громалы. Не просто в пах рубанул, а так, словно ногой хотел рассечь противника от лобковой кости до горла. А когда мужик, хрюкнув, согнулся в заглавную букву «Г», я той букве по затылку второй ножкой табуретки саданул, тоже «с проносом», словно хотел ею голову отсечь на фиг.

Всё.

Мясной бульдозер рухнул на пол, словно ему реально башку отрубили. Вот и слушай потом рассуждения некоторых рукопашников о том, что болевые точки это все чушь крысособачья, и мол, куда не попади, человеку везде больно. Так-то оно так, но больно бывает по-разному. Вот сейчас, например, громадному дяде стало настолько больно от удара по основанию черепа, что вырубился он, словно замкнутый отверткой электрический щит. И включится он теперь не ранее, чем через четверть часа – если не откачивать, конечно, и ледяной водой не поливать. Проверено практикой.

Между тем толпа зрителей недовольно заворчала.

– Нечестно, нельзя так, – раздались голоса. – Кто ж так дерется, ногой по яйцам? Ты чо, не мужик что ли? Да мы тебя сейчас...

– Пробуйте, – оскалился я окровавленными зубами. – Заодно и выясним, кто из нас мужик, а кто дерьмо собачье. Ну, кто первый?

Внезапно сбоку хлопнула дверь и на пороге туалетной комнаты появился Фыф, ранее отлучившийся по нужде, и заодно лапки помыть. Он у нас гигиену любит. Не помыв ладошки, ни за что есть не сядет – прям морока с ним в Зоне, где питьевая вода большой дефицит.

– И чего это за хрень тут творится? – осведомился одноглазый мутант, по привычке ища вымытой лапкой свой «Кедр», который мы вместе с остальным

оружием сдали при входе в бар.

– Развлекаемся, – сплюнул я на пол кровавую слюну. – Еще б веселее, да некуда.

А начиналось все, кстати, вполне обнадеживающе...

Даже обрадовались мы с Фыфом, отмахав от центра Зоны километра три и увидев впереди вполне себе приличный с виду сталкерский бар. В смысле, по меркам Зоны приличный.

На Большой земле такой сарай, собранный из старых досок и потемневших от времени листов фанеры, мигом бы снесли по приговору санитарных служб. В Зоне же подобные бары – обычное явление, желанное для многих ловцов удачи, путешествующих по аномальным территориям. Тут можно и выпить, и закусить, и переночевать за символическую плату – само собой, без удобств, но в тепле и под крышей, что в Зоне приравнивается к пятизвездочному отелю на Большой земле. Это же и есть настоящее счастье сталкера: спать не на голой земле, зная, что тебе на голову не приземлится шмат «жгучего пуха», или пуля в лоб не прилетит от проходящего мимо уroda, которому приглянулись твои шмотки.

Ну и, само собой, такие бары были заодно и магазинами, где удачливый бродяга мог обменять свой хабар на самое необходимое. Конечно, по грабительскому курсу, но, как говорится, дорога ложка к обеду.

А мы с Фыфом как раз начали ощущать, что после всего пережитого ноги у нас отказывают, глаза слипаются, а желудки к позвоночнику прилипли. И мечты у нас с ним одинаковые и совершенно несбыточные, ибо невозможно одновременно спать как убитый, и жрать от пуза.

Кстати, до этого пережили мы с моим боевым товарищем немало, а именно: чуть не погибли от лап пятиглазого шама, укравшего наших с Фыфом любимых девчонок, переместились в мир Чернобыльской Зоны, навели в нем шороху, чудом не погибнув и завладев парочкой суперартефактов, один из которых отправили правительству России, а второй благополучно изничтожили, зарядив его дурной силой мою «Бритву»[1 - События романа Дмитрия Силлова «Закон “дегтярева”» литературной серии «СТАЛКЕР»]. Кстати, после этого мой супернож ни фи́га не исправился – как и прежде, попытка вскрыть им границу

между мирами оказалась неудачной.

Вдобавок на Фыфа открыли охоту «мусорщики», Создатели Зон, словно на свалки переправляющие в те Зоны токсичные и опасные отходы своего мира.

И, понятное дело, пришлось мне в который уже раз идти к постоянно меняющемуся Центру Зоны, чтобы спасти своего товарища-мутанта от распроклятых пришельцев. Решили они, понимаешь, Фыфа исследовать, выяснить, что это за мутант такой интересный в Зоне появился. И даже успели, гады такие, отрезать у него глазные щупальца перед тем, как я с командой друзей-сталкеров уничтожил оплот «мусорщиков» в Чернобыльской Зоне. Правда, при этом задолжав свою жизнь Монументу – аномалии, способной как исполнять желания людей, так и взимать с тех людей за это страшную плату.

При этом товарищ наш по имени Призрак попал под влияние Монумента, и чуть нас всех не прикончил... Если бы мы не прикончили его.

Похоронили мы того Призрака возле Саркофага, и отправились к Кузнецу, что неподалеку от загоризонтной РЛС окопался, рядом с Живым Болотом[2 - События романа Дмитрия Силлова «Закон Призрака» литературной серии «СТАЛКЕР»]. Непростой путь, извилистый, на котором нам и попался вот этот самый бар.

Туда мы и направились, довольные, что не придется нам ночевать под открытым небом. Да и поесть чего-нибудь посушежнее надоевшей тушенки тоже очень хотелось. Настолько, что никаких других мыслей у нас и не возникло.

А следовало бы призадуматься.

Особенно, когда мы перешагнули порог и на нас уставились десятки настороженных взглядов. Может быть, даже и враждебных.

В общем-то, ничего удивительного. Любой такой бар обычно обслуживает постоянных клиентов, промышляющих в данном конкретном регионе, и чужим обычно в таких местах не рады. Но не настолько, чтоб мочить их прямо на пороге. Короче, штатная ситуация, в которой может оказаться любой сталкер. Шли себе люди по делам, зашли в бар, перекусили, отдохнули – и ушли, поняв

по лицам завсегдатаев бара, что в местной артели охотников за артефактами мест нет и не предвидится.

Так что мы со спокойной душой уселись за свободный столик, заказали воды, еды и по сто грамм для поднятия настроения, после чего Фыф отправился мыть лапы. Мне же неприветливый официант принес стакан с водой, Фыфов аналогичный заказ явно проигнорировал. И только я собирался указать официанту на его ошибку, как внезапно боковым зрением уловил движение, от которого едва успел уклониться.

Подлый удар, если честно, поэтому я и не церемонился. В результате мордovorот, вознамерившийся меня побить, валялся сейчас на полу в глубокой отключке, а я стоял в кольце набычившихся сталкеров, сжимая в руках импровизированные дубинки, выломанные из табуретки. Оружие, конечно, не ахти, но на безрыбье и это за счастье. По крайней мере, местное сталкерье призадумается, стоит ли лезть на незнакомого путника, который двумя ножками от табуреток уделал весьма нехилого дядю – да так, что с тех разлохмаченных в острые щепы деревяшек свежая кровь на пол капает.

Правда, сейчас меня больше интересовала не реакция завсегдатаев заведения, а то, как на произошедшее отреагирует бармен. Он тут хозяин, ему и решать. Как скажет, так и будет.

– Может, автомат принести? – предложил кто-то из собравшихся. – Пристрелить обоих, да закопать поблизости.

– Да на хрена закапывать-то, пупки надрывать? – удивился второй. – Ночью бросить в Гнилой роще, к утру мутанты от них только кости и оставят.

– А чо, дело говоришь, – обрадовался первый. – Муты в таких делах лучше любой могилы. Ну это, я, короче, за «калашом», а вы тут их держите пока что...

– Получается, ты, Опанас, за меня в моем доме все решил, – медленно и негромко произнес бармен, но как-то так, что все услышали. Бывают такие голоса: вроде и тихо сказал человек, а понятно все. Потому, что другие автоматически затыкаются, когда он говорит.

– А чего тут решать? – окрысился тот, кого называли Опанасом, которого я успел рассмотреть в полумраке бара. Мужик мелкий, жилистый, подвижный. И горластый. Из тех, что в каждой бочке затычка. Такой визгливым голосом может запросто толпу натравить на того, кто ему не понравится, при этом никоим образом не подвергая себя риску – тому, кто запускает торпеду, совершенно ни к чему плыть рядом с ней. – Чо тут решать-то? Он, значит, Бойка может мутузить как бог черепаху, а ему это как с гуся вода?

– Боёк сам нарвался, – проговорил бармен, мужик коренастый, основательный, на подбородке звездообразный шрам, на висках седина пробивается. Сразу видать, тертый калач, битый и жизнью по голове, и чьим-то кастетом в челюсть.

– Чужак мутанта привел, – заворчали в толпе. – Вон того, одноглазого. Значит, он сам из них. А у нас с мутами разговор короткий – пулю в башку, даже если они с виду похожи на человека.

– Может, оно и так, – кивнул бармен. – Я тоже не видел, чтоб сталкер с мутантом двойкой ходили. А может, и не так. Я вот Монумент, например, не видел. Но это ж не значит, что его не существует.

– Че-то ты мутишь, Седой, как я погляжу, – нахмурил лоб Опанас. – Ни мне, ни людям непонятно – ты чо, за этого пришлого и за его мутанта впрягся что ли?

Толпа заворчала сильнее. Правильно сказал жилистый, не поспоришь. Приплети к своим словам «людей» – и уже получается, что ты не только свое мнение высказываешь, и их тоже. Типа, от имени «людей» говоришь, а по сути – за них. И в случае чего они за эти «свои» слова вполне могут какого-нибудь несогласного в лоскуты порвать.

Бармен это понимал прекрасно, и аккуратно «включил заднюю».

– Я только за себя и за свой интерес впрягаюсь, и тебе это, Опанас, должно быть известно. И сейчас мой интерес такой: хотите разобраться с кем-то – разбирайтесь на улице. Я вам не нанимался чужие кишки с табуреток сматывать и кровищу с пола оттирать.

– О, это разговор! – обрадовался Опанас. – Ну чо, пришлый, пошли во двор, поговорим?

– А ты меня выведи, если такой смелый, – криво усмехнулся я.

Но тут позади меня послышался характерный звук, с которым досылается охотничий патрон в патронник помпового ружья. Мне даже оборачиваться не нужно было, чтобы понять: Седой достал из-за стойки дробовик и сейчас целится мне в затылок.

– Пошли все вон, – прорычал он. – Навоюетесь – можете вернуться. А до этого чтоб глаза мои вас тут не видели.

Ох, сильно же я пожалел, что сдал все оружие при входе в бар! Охранник возле входа щерился во всю щербатую пасть, когда мимо него проходили сначала посетители заведения, а потом я с Фыфом. За спиной щербатого секьюрити находился массивный старый шкаф, в котором и хранились все огнестрелы и ножи посетителей. В общем-то, правильная предосторожность, поддатые сталкеры – народ горячий. Но если они нас с Фыфом сейчас не разорвут на части, хрен я еще когда переступлю порог бара, в котором сдача оружия при входе является обязательным правилом.

Однако сожалеть о сделанном было поздно.

Посетителей бара было шестнадцать, я их успел сосчитать. Нас... Нас было один я. Фыф не в счет. Проклятые «мусорщики» отрезали у моего друга-мутанта глазные щупальца, и теперь его ментальный дар воздействия на чужие мозги исчез – без антенн передатчик мысленного воздействия не работал. А в остальном сил у моего одноглазого друга как у двенадцатилетнего ребенка, и толку от него примерно столько же.

– Сейчас выйдем – и сразу беги, – негромко сказал я.

– Ни фиги ты не угадал, – так же тихо отозвался Фыф. – Я уже один раз тебя оставил, и ничего хорошего из этого не вышло.

– Сейчас если не оставишь, будет еще хуже, – нажал я голосом. – Тебя же просто разорвут. А пока я буду пытаться тебя отбить, меня точно покалечат. Тут неподалеку какой-то лесок, Гнилая роща что ли. Короче, беги туда, там встретимся. Понял?

– Понял, – недовольно отозвался Фыф.

Признаться, я опасался, что он ослушается – уж больно характер у него вредный. Но нет. Как только мы перешагнули порог бара и Седой захлопнул за нами дверь, одноглазый мутант шустро порскнул влево, в высокую траву – и только его и видели.

– Держи, блин, уйдет! – взревел кто-то из толпы, но нестись вслед за Фыфом через колючие метелки мутировавших зеленых зарослей желающих не нашлось. Зато нашлись энтузиасты, быстренько перекрывшие мне аналогичный отход.

Теперь позади меня была стена бара, а впереди полукругом стояли сталкеры. Да сталкеры ли? Вряд ли. Так, местные мужики из полуразвалившихся сёл, примыкающих к Зоне отчуждения. Конечно, все они величают себя сталкерами, а на деле – шакалы, шатающиеся по наименее опасным, давным-давно исследованным участкам Зоны в поисках недорогих артефактов, которые можно обменять в барах на бутылку паленой водки и нехитрую закуску.

Тем не менее, персонажи, стоящие передо мной, были далеко не алкоголиками-задохликами, успевшими конкретно отравить организмы сивушными маслами и токсичными табачными смолами. Хилый и немощный через кордон просто не переберется, пристрелят военные на полпути. Так что передо мной разминал кулаки цвет деревенской элиты, привычный к рубке деревьев, колке дров и другому сельскому труду, требующему недюжинной силы. В том числе, судя по щербатым оскалам, не чужды были этим персонажам и кулачные забавы, типа «один на один», «стенка на стенку» – или как там еще развлекаются местные, не знающие, что такое ночные клубы и высокоскоростной Интернет.

В общем, перспектива для меня нерадостная в любом случае. Одному мне, даже учитывая всю мою подготовку, с шестнадцатью крепкими лбами однозначно не справиться. Поэтому не стал я ждать, пока они распалят себя соответствующими речами, типа: «Ну чо, гад, допрыгался? Ща мы тебя...», а просто прыгнул вперед, занося для синхронного удара обе табуретные ножки.

Кстати, если табуретка реально сделана из дерева, а не из каких-нибудь новомодных полимеров, оружие это в умелых руках довольно серьезное. Которым можно треснуть противника по макушке и разом решить одну проблему в своей жизни. Ибо вырубает – если, конечно, табуреткина ножка достаточно

массивная.

У меня в руках были правильные ножки, тяжелые, четырехгранные. Такой и убить можно на фиг, если крепко приложить. Но я по натуре человек добрый и гуманный, поэтому первому же подвернувшемуся под руку придурку звезданул по тыкве не гранью своей импровизированной дубинки, а плоскостью. И даже не став смотреть, как тот рухнет на землю, треснул второму дурню по точке между шеей и левым плечевым суставом.

Ага. Ключица вроде не хрустнула, но до нервного узла удар достал. Ударенный заорал, словно ему раскаленный паяльник под нижнюю чакру сунули, схватился за травмированное место. Ну да, болеть будет сильно в ближайшие несколько часов, и рука повисит плетью. Ибо не фиг. А то как целым взводом одного лупить, так все герои, а как трендюлей схватывать, так орем благим матом, при этом усиленно делая вид типа «я вообще тут случайно оказался».

В общем, не прошло и секунды, как противников оказалось минус двое. В такой ситуации обычно достаточно вырубить еще парочку, остальные сами разбегутся. И мне это даже частично удалось – ткнул ближайшему дубинкой в солнечное сплетение, того и согнуло в три погибели.

А дальше мне не повезло.

– Бей его, мужики! – взвился над слегка подвисшей толпой визгливый голос Опанаса. – Он один, а нас много!!!

Ничего не скажешь, весомый аргумент.

Неоспоримый.

И толпа им прониклась. Заревела в один голос – и бросилась, протягивая ко мне руки в цыпках, бородавках и ссадинах, с намертво въевшейся под ногти землей Зоны.

Я конечно, треснул еще пару раз своими дубинками по этим пальцам, но это не помогло. Какой-то паразит колобком катнулся мне под ноги. Я, конечно, заехал ему носком «берца» по ребрам, но тут с двух сторон на меня

одновременно прыгнули еще двое с единственной целью – задавить весом.

Не было б у меня сзади стены бара, все решалось бы просто: отпрыгнул назад, и мочи супостатов дальше.

Но стена – была. Плюс тот колобок, которого я в бочину «берцем» отоварил, подвывая об боли, вцепился мне в ногу. Прямо как зверь какой, обхватил руками и впился зубами в бедро.

Ну, и отвлекся я на него. Тряхнул ногой, двинул коленом в челюсть... и тут же сам «поплыл» от удара чьей-то башкой в висок. Скорее всего, случайного, но, тем не менее, эффективного.

А потом на меня навалилась куча вонючих тел, как это бывает в уличной драке, когда одного бьют числом. Я упал, исхитрившись при этом вогнать одну ножку от табуретки в чью-то раззявленную пасть. И тут же колено, летящее мне в нос, закрыло всю перспективу.

Хрясь!

Твою душу, нос сломан... Кому ломали, ни с чем это прекрасное ощущение не спутает. Звезды в глазах, мир кувирком, а по губам и подбородку хлещет горячий, соленый водопад крови...

И тут же добавка в подбородок...

Мир стремительно отдалялся от меня, как перрон от уходящего поезда. Я еще осознавал, что меня бьют, но боли уже не было. Она осталась там, на перроне, вместе с остальными ощущениями, чувствами, проблемами... Я же, подобно товарному поезду с совершенно пустыми вагонами, стремительно въезжал в тоннель – темный и глубокий, словно сама вечность...

* * *

Шлеп!

На лоб плюхнулось что-то влажное, клейкое, пахнущее болотной тиной и недельными носками.

Шлеп дубль два. Теперь на нос... Блин, больно-то как!!! Настолько больно, что я не выдержал и зашипел, словно придушенный удав...

И тут же понял, что шипеть тоже больно, ибо малейшее движение челюсти приносит гамму непередаваемых ощущений, от которых впору снова отрубиться на фиг.

- Очнулся, - прозвучал над головой знакомый голос. - Хорошо они тебя отделали. Впрочем, ты их тоже. Четверых в бар на руках затаскивали, как мешки с дерьмом.

- Сслабое... утешшение, - прошипел я, стараясь при этом не двигать челюстью. При этом получилось открыть один глаз. Второй не получилось - видимо, заплыл он намертво. Зато я смог увидеть Фыфа, который взял из стопки, лежащей рядом с ним, лист подорожника, смачно харкнул на него, сложил, слегка потер половинки, после чего явно вознамерился прилепить его мне на глаз.

Я замычал и постарался отодвинуться. Так вот откуда этот запах несвежих портянок, с месячишко полежавших в болотной тине! Это, блин, Фыф меня местными подорожниками пользует, перед этим обильно смочив их своими слюнями! Я, конечно, весь из себя такой бравый сталкер, почти терминатор с изрядно побитой рожей, но при этом даже моему практически полному отсутствию брезгливости есть предел...

- А ну, лежи! - прикрикнул на меня шам, сверкнув единственным глазом. - Я его, блин, от этого бара на себе пёр до этой Гнилой рощи, потом эти подорожники собирал. Теперь вот стараюсь для него же, а он морду воротит! Между прочим, в мире Кремля слюна шама за ее целебные свойства стоит пять золотых за грамм! И хрен где найдешь ее, потому, что наше племя продает ее весьма неохотно.

- Это... почему?..

- Из нее легко сделать яд для нас же, - проворчал Фыф, ловко прилепляя подорожник на мой подбитый глаз. - На людей он не действует, а для нас

смертельный. Зато для вас наши слюни круче любого бальзама. Минут через пятнадцать будешь... ну, не как новенький, но хоть не так явно похож на отбивную из глупого хомо, который лезет в драки, в которых победить нереально.

– Это я-то глупый! – возмутился я – и тут же невольно застонал от боли в челюсти.

– Ну ладно, ладно, согласен, – проворчал Фыф. – Мое бегство прикрывал, хотя мог сам сбежать. Но тогда б меня точно поймали. Вот потому и лечу тебя, блин. Охренеть! Шам лечит хомо! Видели б меня мои соплеменники.

Пока Фыф предавался воспоминаниям о своей родне, оставшейся в другом измерении, я постарался оглядеться вокруг хотя бы одним глазом.

И результат этого осмотра оказался неутешительным.

Мы находились в роще. Причем реально гнилой. Кривые деревья, явно попавшие под Выброс, частично валялись на земле, частично чудом находились в вертикальном положении, цепляясь за почву узловатыми корнями, наполовину вылезшими наружу. При этом деформированная кора деревьев-уродов, напоминающая струпья больного проказой, слегка флуоресцировала нездоровым зеленым светом. Вкупе с мертвым отблеском луны, проглядывающей из-за туч, подсветка была замечательная. То есть, ночь наступила, пока я в отключке валялся. Отдохнул можно сказать, блин, как и собирался, направляясь в этот треклятый бар...

И теперь самое время подвести итоги.

Итак, мы с Фыфом ночуем практически в центре Зоны среди деревьев, светящихся от радиации. Причем без оружия и припасов – рюкзак мой тоже остался в баре. Мультитул не в счет, это не оружие... Хотя нет, и его вытащили те ублюдки, не говоря уж о «Бритве» и «Сталкере». То есть, можно смело готовиться к переходу в мир иной. Если, конечно, не случится какого-нибудь чуда. Но чудеса в Зоне обычно стандартные. Появляющиеся в виде голодного мутанта с горящими глазами. Которые обычно по одному не ходят...

Словно в подтверждение моих мыслей неподалеку раздался вой. Жуткий, утробный, протяжный. Даже Фыф вздрогнул и выронил очередной старательно обслюнявленный листочек подорожника.

– Едрить твою налево, – проговорил он с легкой дрожью в голосе. – Это ж кого так забирает?

Пугливый стал Фыф как дар свой утратил. В принципе, оно и понятно. Зона – такое место, где без серьезного оружия испугаться не грех. А оно у Фыфа было более чем серьезное – мозги практически любого живого существа мог он в легкую расплавить ментальным ударом. Туман мог поднять, испарив росу. Управлять людьми и мутантами, словно они были живыми куклами. Много чего мог Фыф, пока «мусорщики» у него глазные щупальца не отрезали.

И с тех пор как подменили моего друга-мутанта. Словно сдулся он, стержень будто из него вытащили. А еще вбил себе в голову, что его Настя теперь на него и не посмотрит, мол, был красавец мужчина, а сейчас без своих щупалец урод уродом. Хотя как по мне, так вроде и получше стал он выглядеть, больше на человека похож... Но это мое мнение, а у Фыфа-то свое. Жалко кореша. Хоть и бодрится он, но я ж вижу – поганю ему. Как бы лапы на себя не наложил...

Все это промелькнуло у меня в голове, пока Фыф сидел на пятой точке, трясясь от страха. Блин, хочешь – не хочешь, а вставать надо. Хоть сук светящийся отломать, чтоб в случае чего хищному мутанту в харю ткнуть. Потому как подышать, валяясь на земле эдакой беспомощной отбивной, это совсем не по мне.

Зажмурился я, готовясь к всплеску нереальной боли, и пошевелил рукой.

Больно, блин. Но терпимо. Гораздо легче, чем ожидалось. Интересно.

Я ногой шевельнул. Та же картина. Попробовал приподняться. Получилось. Офигеть... Другого слова не нашлось. После таких звездюлей минимум полмесяца надо отлеживаться и кефир пить через соломинку...

– Впечатляет? – поинтересовался Фыф, не переставая трястись – видать, нервное у него что-то прорвалось после того воя.

- Ага, - проговорил я, кривясь от боли в челюсти. Но сказал же. Значит, перелома нет...

- Перелома челюсти не было, - подтвердил Фыф. - Только сильный ушиб. А вот нос сломали конкретно. Я его вправил, и сейчас он должен быть уже целым - там кости и хрящи тонкие, быстро восстанавливаются. Цени, блин.

- Ценю, - сказал я. - Как раз тот случай, когда плевков в рожу дороже золота.

- Организовать? - слегка развеселился мутант. - Это ж я запросто. У меня слюни не только с регенероном, мгновенно проникающим через кожные поры, но и с анестетиком. Плюс тонизирующий эффект дают. Ну как, харкнуть?

- Себе харкни, - буркнул я, но подорожники пока отлеплять не стал. Те места, где они были прилеплены, вообще практически не болели, а в моем положении это дорогого стоило.

Припадая на левую ногу (какая-то сволочь нехило отбила бедренный нерв), я встал, и даже самостоятельно сделал пару шагов. М-да, боец из меня сейчас никакущий. Но, надеюсь, что слюни Фыфа восстановят меня окончательно, вон как подорожники воняют, значит, еще не высохли.

- Ну и куда ты поёрся? - поинтересовался одноглазый доктор. - Тебе лежать надо, отлеживаться. Слюни слюнями, но чудес не бывает. Гробанешься от слабости, башкой об корень приложишься, и привет. Получится, все мои труды насмарку.

- Я недалеко, - отмахнулся я. - Далеко у меня по-любому не выйдет.

Сделав несколько шагов, я остановился и прислонился к дереву. Светится - и хрен с ним. То ли просто кора у него такая, то ли фонит он как ядерный реактор - теперь уже без разницы. Если хапнул критическую дозу, то уже хапнул по полной, и поздно переживать по этому поводу.

Тем более, что сейчас меня гораздо больше интересовало другое.

В просвет между деревьями был виден тот самый бар, до которого было не меньше километра. И как меня Фыф бесчувственного столько на себе тащил – непонятно. Ладно, это потом. Просто сейчас в том баре явно что-то происходило. Там снова вроде как дрались. И если это действительно так, то дрались не на шутку. Истошные вопли и звуки ударов даже сюда доносились. В общем, местные сталкеры после стычки со мной вошли во вкус, и теперь развлекались по полной. Ладно, их дело.

Фыф подошел, посмотрел, послушал, и выдал с чувством, от души, одним предложением:

– Хоть бы они там друг дружку поубивали, уроды козломордые, чтоб их там всех повыворачивало наизнанку, алкашей мерзопакостных, тварей рожеомерзительных...

– Каких? – почтительно переспросил я, ибо от души уважаю способность Фыфа материться столь красочно, что порой даже враги замирают на месте и удивленно раскрывают пасти, услышав эдакое искусство.

– Рожеомерзительных, – повторил Фыф, слегка запнувшись. – Ну, с мерзкими рожами, то есть.

– Понятно, – кивнул я. А главное образно. Талант, блин. Не зря Алекс Липатов по прозвищу Мастер записывал за Фыфом его обороты. Хрен где еще такое услышишь. Фольклор Зоны, можно сказать.

– Ладно, – махнул я рукой. – Бес с ними, пусть развлекаются. Мутантов вроде поблизости нету, так что пойдём. Заберемся в чащу поглубже, да поспим маленько. А то меня что-то ведет не по детски, того и гляди рухну.

– Еще бы после таких звездюлей, – проговорил Фыф, при этом поежившись. – Наконец-то до твоей отбитой тыквы дошло, что в таком состоянии гулять по лесу не совсем верное решение.

– Всё-всё, – сказал я, отлепляясь от дерева. – Пошли дрыхнуть. Надеюсь, мутанты нас не сожрут – уж больно твои слюни воняют знатно.

– По мне так нормально они пахнут, – пожал плечами Фыф. – Но если местные муты такие нежные, то нам оно только в плюс.

– Не поспоришь, – согласился я.

* * *

Нас не сожрали. Вряд ли, конечно, запах Фыфовых слюней отпугнул ночных хищников. Скорее, они просто предпочитали не соваться в Гнилую рощу, инстинктивно чувствуя опасность.

В отличие от нас.

Я нашел кучу прелых листьев, и, недолго думая, завалился в нее как в перину. Фыф, более осторожный, нашел корявое дерево с дуплом, куда и залез, предварительно выгнав оттуда с десяток жирных пауков.

Я б с такими членистоногими, величиной с блюдце, точно связываться не стал. А Фыфу по фиг. Выставил их пинками, шипящих, словно раскаленные сковородки, и скрылся в дупле. Откуда через несколько минут раздался храп, усиленный акустикой дерева, частично полого внутри. Причем храп не простой, а с подхрюкиваниями и подвываниями на низких частотах. Понятно. Устал кореш, перенервничал, и сейчас расслабляется в полный рост. Удачи ему в этом славном деле.

Кстати, я тоже довольно быстро вырубился, несмотря на ноющую боль во всем теле. Как в мягкую, темную перину провалился. Раз – и дрыхну. Кайф... Причем сплю, и осознаю что сплю. Странное ощущение. Будто одна часть меня спит, а вторая за ней наблюдает. За ней, и за тем, что разворачивается там, вдали, откуда мы пришли... Возле темной и мрачной громады Саркофага, над которым словно суставчатый, высохший палец трупа, указывающий в небо, застыла знаменитая вентиляционная труба, спиленная людьми и восстановленная Зоной.

Я видел, как стремительно сгущаются сумерки, обволакивая Саркофаг темной пеленой ночного тумана. Так всегда бывает в Зоне. Стоит только солнцу приблизиться к горизонту, как свинцовые тучи становятся заметно плотнее, будто живые существа, стремящиеся поглотить, сожрать, уничтожить

последние лучи живого света.

Неподалеку от Саркофага маячила свежая сталкерская могила – простой крест из двух досок, на одной из которых еще можно было разобрать глубоко врезанную в дерево лаконичную надпись «Призрак». И все. Имени нет – не знал я его, когда вырезал на кресте короткое прозвище убитого. Даты рождения – нет, я ее тоже не знал. Как и дату смерти. Понятия не имею, какое это было число, когда я убил Призрака – я уже давно не смотрю на календари, путешествуя между мирами.

Громоздкая тень вентиляционной трубы почти коснулась свежей могилы, когда из вечернего тумана, окутывающего Саркофаг, появился силуэт человека в черном просторном балахоне.

Любой суеверный ловец удачи, завидев подобную фигуру в такое время, постарался бы поскорее ретироваться. Откуда-то я точно знал: с некоторых пор по сталкерским барам ходили слухи, что в центре Зоны темными вечерами бродит сама Смерть, принявшая обличье Темного сталкера. Стрелять в него бесполезно, убить – нереально. А самому сгинуть без вести после встречи с этим чудовищем – проще простого.

Зловещая фигура медленно приблизилась к холмику с крестом и долго стояла рядом, сама похожая на могильный памятник. Лишь когда последние тусклые лучи солнца коснулись надписи, глубоко врезанной в почерневшую от времени доску, воздух Зоны разорвал жуткий, нечеловеческий вой, полный настоящего, человеческого горя. Вой, окончившийся словами, хриплыми, словно карканье ночного ворона:

– Клянусь, я отомщу за тебя, брат!!!

А потом фигура повернулась, словно почувствовала мой взгляд. И в темной глубине капюшона, брошенного на голову жуткого сталкера, я увидел глаза, горящие лютой ненавистью. Нечеловеческие глаза без зрачков, яркие, словно белые фонари, отблеск которых позволял хорошо разглядеть лицо под капюшоном. Застывшее, неестественно неподвижное, словно отлитое из зеленоватого металла...

– Я найду тебя... – шевельнулись тонкие губы, и зловещий шепот кошмарного существа, казалось, ледяной иглой вонзился мне в самое сердце.

Я невольно вздрогнул – вернее, вздрогнул Снайпер, спящий где-то в лесу, километров за пять от той могилы...

И тут же видение пропало. Ночная темень накрыла его, смазала, словно плохо нарисованную картину, растворила в себе без остатка и жуткую фигуру, и могилу, и Саркофаг за ней. Больше не было ничего, кроме ночи – и меня, утонувшего в ней полностью, как в перине, уже забывшего о страшном видении, как забывает любой из нас о кошмаре, случайно увиденном в первой фазе сна.

Дальше я спал без сновидений, и проснулся лишь когда первые хилые лучи солнца, пробившись сквозь корявые ветви деревьев, мазнули по моим векам. То есть, выспался от души, что в Зоне случается нечасто.

А еще нечасто случается нашему брату проснуться – и понять, что у него ничего не болит. То есть, вообще ничего. Ни кости не ломит от спанья на голой земле, ни старые раны не ноют, и даже вечной изжоги нет, нажитой постоянным употреблением в пищу консервированных продуктов. На эту тему даже древний прикол по Зоне ходит: если сталкер проснулся утром, и у него ничего не болит, значит ночью его съели.

Тем не менее, я был вполне себе живой. Только на лице мешалось что-то. Я смахнул это «что-то» ладонью – и на землю осыпались сухие, скукоженные листья подорожника.

Вот оно что... Получается, за несколько часов волшебная комбинация из слюней шама и сока местного сорняка-мутанта излечила все мои раны и ушибы! Надо же... Значит, чудеса все же случаются порой. Но на то она и Зона. Правда, гораздо чаще в ней происходит обратное: забили мужика насмерть, или банально пристрелили. Без всяких чудес.

Внезапно мои размышления о бренности бытия прервал чей-то стон, раздавшийся неподалеку. Первой мыслью, промелькнувшей в моей голове, было: «Фыф! В какую-нибудь передрагу попал, блин!»

Излишне объяснять, что мчался я на тот стон быстрее собственной мысли.

И оказалось, зря.

То есть, не совсем зря, но вполне можно было особо не торопиться. Прогуляться по лесу, меж деревьями, утром почти что не светящимися, и с виду практически обычными дендромутантами, которые в Зоне встречаются на каждом шагу. А в конце этого моциона увидеть такую картину: Фыф сидит на корточках, задумчиво жуя травинку, а перед ним распростерлось тело на первой взгляд в такой же кондиции, в которой я был прошлым вечером. То есть, изрядно побитое, и вдобавок еще с широким порезом на плече. Странно, но открытая рана не кровоточила, хотя я видел, насколько сильно был пропитан кровью полуоторванный рукав куртки, что была на раненом.

Лицо несчастного тоже было все в крови, но седой висок грязной шевелюры показался мне знакомым. Обалдеть. Неужто местные сталкеры-дуболомы перепились настолько, что подняли руку на бармена?..

– По ходу, этот тот самый барыга. Как его? Седой вроде, – подтвердил мою догадку Фыф. – Нехило его отделали. Вон за ним аж кровавый след по траве тянется. Дополз досюда, и отрубился.

– Не помер? – поинтересовался я без особого интереса. Бармену было до лампочки, что с нами будет, когда нас выведут во двор. Так что мне с какой радости теперь за него переживать?

– Нет пока, – сказал Фыф. – Я ему в рану плюнул, чтоб кровь остановилась. И в побитую рожу тоже.

– Последнее из человеколюбия, надеюсь? Ну, чтоб раны затянулись, и все такое?

– А как же, – мстительно проговорил мутант, прищулив единственный глаз. – Я вообще альтруист и большой любитель подставлять свои щеки под звездюлины.

– Под них лучше лоб подставлять, чтоб бьющий руку себе сломал, – порекомендовал я.

– А то я без тебя не знаю, – сплюнул Фыф, на этот раз – в траву. – Я ему не дал загнуться исключительно ради того, чтоб ты его допросил.

– А сам никак?

– Ты ж у нас профи, тебе и карты в руки, – фыркнул мутант. – Когда я в силе был, с твоих мозгов считал, что такое экспресс-допрос. Да ну на фиг. Уж на что я к всяким зверствам равнодушен, но это уже точно чересчур.

– Хорошего дела много не бывает, – проговорил я, наклоняясь над раненым, по дрожанию ресниц которого было ясно – он уже давно пришел в себя, и сейчас имитирует бессознательное состояние, прислушиваясь к нашему разговору. – Оно, конечно, выглядит неаппетитно, зато это самый лучший способ быстро разузнать все, что нужно. Например, если ткнуть щепкой в свежую рану, и начать ее расширять...

– Не надо куда... тыкать, – с трудом проговорил бармен, открывая глаза. – Я и так все скажу.

– Это хорошо, – кивнул я, мысленно пожав лапу мутанту, сообразившему, как нам быстро раскрутить барыгу на инфу. Хотя сволочь Фыф, конечно. Договаривались же, что не будет копать у меня в черепушке. Ну да ладно, он сейчас почти инвалид, прощу уж ему прошлые прегрешения...

– И как же ты дошел до жизни такой? – поинтересовался я у раненого. – Свои же разделали под антрекот?

– Не... свои, – вытолкнул из себя бармен. – Чужой. Он всех убил...

– Что, один? – не поверил я. – Ты хочешь сказать, один человек грохнул больше дюжины крепких мужиков?

– Убил... Всех... Лицо железное... Он искал... какого-то снайпера... Сначала всех вырубил, покалечил... Двигался очень быстро, почти не видно его было... Потом подходил к каждому... и начинал медленно вспарывать брюхо... У него два ножа... Обоими орудовал... И пока взрезал, спрашивал: «где снайпер? Ты же знаешь, скажи мне. Он должен быть здесь...»

Бармен потом говорил что-то еще, но это был уже бессвязный бред серьезно раненного человека, которому жить осталось в лучшем случае до вечера. А я сидел на поваленном дереве и думал о своем ночном сне – почти забытом, но сейчас вдруг вспомнившимся очень явно, словно я и вправду стоял тогда возле могилы, глядя в горящие глаза сталкера с металлическим лицом.

Фыф повернул голову, внимательно посмотрел на меня.

– Что это за хрень?

Я пожал плечами.

– Без понятия.

И рассказал о своем сне.

Фыф почесал в затылке. И резюмировал:

– Однозначно хрень. Тебя и во сне, и наяву ищет какое-то тело с железной мордой, и ради этого валит народ пачками. Нет, конечно, те уроды свое получили за дело, но все равно...

Бармен вдруг закашлялся, в горле у него что-то булькнуло, на грудь изо рта плеснула кровь.

– Отходит, – сказал Фыф. – Все внутри отбито. Плюй, не плюй – финал все равно одинаковый.

Внезапно умирающий открыл глаза, в которых все еще плескалось угасающее сознание. Найдя меня взглядом, бармен протянул ко мне руку и прохрипел:

– Найди Касси... Она знает... Отомсти за меня и тех, кого...

Он не договорил. Кашель вновь сотряс его тело, отчего кровь обильно хлынула горлом. Тело забило в агонии, и менее чем через минуту все было кончено. Фыф вздохнул, сделал лапкой какой-то странный жест.

– Вот и все, – сказал он. – Великий Атом создал жизнь, Великий Атом разрушил ее.

– Это точно, упокой его Зона, – задумчиво проговорил я. – Как он сказал? Касси?

– Типа того, – кивнул Фыф. – И если это не название электронно-вычислительной машины, то, скорее всего, женское имя.

– Забавно, – хмыкнул я. – Интересно, что знает эта машина или женщина, или еще что-то непонятное со странным именем. И где ее прикажете теперь искать?

– А я те чо, дельфийский оракул? – вылутился на меня Фыф. – Я-то откуда знаю?

– Ничего себе, – слегка удивился я. – И откуда ж такие познания насчет дельфийского оракула.

– Книжку читал старую, – слегка смутился Фыф. – Правда, там половины страниц не было, а остальные почти развалились от сырости. Мифы какой-то старухи, которую звали древняя Греции. Складно бабка излагала, жалко, что книга не полная.

– Да, могла бабуля, – усмехнулся я. Зная Фыфа, проще согласиться, чем рассказывать что да как. Потом вопросами замучает.

– А ты тоже читал? – насторожился любознательный мутант.

– Давно, в детстве, – отмахнулся я. – Уже ни черта не помню. Ну чего, пошли что ли к тому бару сходим. Может, найдем что полезное.

Хоронить бармена мы не стали – в Зоне эта роскошь только для товарищей-сталкеров, и то роскошь очень условная. Неглубоко зароешь – ночью по-любому мутанты по запаху найдут, откопают, и сожрут труп. Глубоко закопаешь – высока вероятность, что земля Зоны воскресит труп, и будет твой кореш таскаться по лесам и болотам в поисках свежих мозгов. Так что не хоронить, может, даже и лучше. Муты – лучшие могильщики, обычно через сутки от мертвеца ничего не остается. Да нам и копать было нечем, так что вопрос

снялся автоматически. Нужные слова мы сказали каждый на свой лад, а насчет остального Зона сама позаботится.

* * *

Бар напоминал разгромленную лавку мясника. Повсюду кровь и разделанные туши. Не тела, а именно куски мяса, искромсанные вдоль и поперек. И вонь, какая бывает, когда из проникающих ранений брюшной полости выливается наружу содержимое желудков и кишечника.

– Ох ты, мать, за ногу того железномордого и об стенку, – произнес шам, выдавший многое и, тем не менее, впечатленный. – Зверина, блин, хренова, садюга бешеный...

– Это не садизм, – сказал я, внимательно рассматривая стены, изукрашенные следами фонтанирующей крови. – Скорее всего, это послание. Убийца как бы говорит: «так будет с каждым, кто встанет у меня на пути или посмеет ослушаться». В Зону пришло что-то очень темное и страшное. Один боец, пусть опытный в таких делах и экстремально быстрый, все равно не сможет такое наворотить даже очень хорошим ножом. Тут силища нужна нечеловеческая.

Я ткнул пальцем в труп, одним ударом распоротый от паха до горла. Края разреза были гладкими и абсолютно ровными. Значит, клинок рассек кишечник и грудину без малейшего сопротивления, словно они были бумажными.

– А еще он тебя искал, – задумчиво произнес Фыф, подходя к стойке возле входа, на которой, свесившись вниз, валялся труп охранника. Шам обогнул стойку, подошел к шкафу, распахнул дверь, и вновь почесал в затылке. – И ничего не взял. Даже твою «Бритву».

Действительно, оружие в шкафу осталось совершенно нетронутым. Никто из завсегдаев бара просто не успел добежать до него. Мало того, даже охранник не смог дотянуться до своей кобуры, висящей у него на поясе, – отрубленная кисть руки валялась тут же, под стойкой. Я поднял ее, осмотрел разрез. Как и ожидалось, срезана одним ударом. Не отрублена, как, например, топором, с мелкими осколками кости в ране, а именно срезана, словно ее циркулярной пилой отмахнули. Такое возможно лишь при совпадении трех

факторов – особый нож, невероятная сила, и фантастическая скорость удара.

– На кой ему моя «Бритва», – усмехнулся я. – Этот урод с железной мордой своими ножами работает так, словно они продолжение его рук. Никакой мастер не променяет свое оружие на другое. А другого ему и не нужно.

– Ну, кто бы он ни был, пуля-то по-любому его остановит, – хмыкнул Фыф, извлекая из шкафа свой «Кедр». Проверил автомат, после чего вытащил пояс, к которому были подвешены два подсумка с магазинами и небольшой, но удобный кинжал «Кобра». Рукоять, конечно, для Фыфа немного тяжеловата, но в куче оружия, оставленного «мусорщиками» в своей крепости, ничего другого не нашлось.

Я в той же крепости разжился специальным автоматом «Вал» с установленным на нем прицелом «ПСО-1М», на удивление, не разбитым – судя по тому, как сваливали оружие «мусорщики», такое везение было сродни чуду.

В той же куче я раскопал пару магазинов к этому автомату с дефицитными патронами «СП-6». Честно говоря, я б лучше прокачанный артефактами «калаш» забрал, но не захотел собачиться с Кречетовым. Как-никак, это его оружие, за ним он и пришел, и при этом помог нам неслабо. Короче, в Зоне даже обычный «Вал» без следов какой-либо прокачки это тоже очень неплохо. Но сорок патронов к нему это все же не совсем то, что хотелось. Хотя, конечно, намного лучше, чем ничего.

Также я, само собой, забрал из объемистой «камеры хранения» свою «Бритву» и рюкзак, который сдал вместе с оружием, дабы он не мешался под ногами во время принятия пищи. Принял, блин, пищу, ага. Хорошо, что стволы все в шкафу были, а то мог бы и свинцовой маслиной закусить. Кстати, в боковом кармане рюкзака лежал мой совершенно целый КПК, на экране которого мигала информация о сообщении. Я нажал кнопку и прочитал:

«Мы с Дальнобойщиком в Ораном. Люди спасены. Будем ждать вас три дня, пока они не придут в себя, потом уйдем. Но останемся на связи. Если что, на Большой земле для вас будет где остановиться и начать все сначала. Удачи. Мастер».

Я усмехнулся. Что ж, отлично, что Далю удалось вывезти спасенных людей из Зоны, а вместе с ними и свою любимую, и девушку Мастера. Хоть кому-то

из нашей команды должно было повезти. Я мысленно поблагодарил Мастера за предложение – и мысленно же отказался. Нет, Алекс Липатов по прозвищу «Мастер», думаю, наши пути разошлись навсегда. Ты и Даль нашли свое счастье в этом мире, а нам с Фыфом нужно найти свое – причем не здесь, а во вселенной Кремля, находящейся по другую сторону границы миров. Но пока что мы с шапом лишь мечемся по Чернобыльской Зоне, пытаюсь найти лазейку из этой тюрьмы, обнесенной по периметру колючей проволокой, – и не находим ее. Правда, надеюсь, что найдем обязательно. Иначе тогда зачем нам с ним вообще жить на этом свете...

Правда, писать ответное письмо я не стал. Успеется. Если не удастся починить «Бритву», возможно, когда-нибудь придется воспользоваться предложением Мастера – не век же нам с Фыфом по Зоне шляться...

В качестве второго ствола я взял себе из шкафа ружье... вернее, не ружье даже, а реально нарезную артиллерию калибра двадцать три миллиметра. А именно – ручную пушку «КС-23», карабин специальный калибра двадцать три миллиметра, лишь с виду похожий на помповик с пистолетной рукоятью. Магазин правда маловат, лишь на три патрона, да и спецпатроны такого калибра найти в Зоне большая проблема. Но – взял, так как карабин оказался в более-менее приличном состоянии, да и патронов к нему нашлось аж целых тридцать штук. Слышал я, что на коротком расстоянии такая пушка – реально пушка, а ни разу не ружье. Что ж, при случае проверю, хотя, конечно, лучше б ну их на фиг такие случаи.

К тому же карабин был фактически единственным приличным стволом, в отличие от остального огнестрела, набитого в шкаф неряшливым охранником. Не впечатлили меня пара напрочь убитых «калашей», несколько обрезов охотничьих ружей и четыре пистолета Макарова, которыми, похоже, гвозди забивали, строя этот бар. Такое оружие пока в порядок приведешь, семь потов сойдет. Оно мне надо при наличии более-менее приличного «КС-23»? Правильно, не надо. Ну и вот.

– Знатное ружье, – одобрил Фыф. – Любой трофеей – подарок Зоны, которым нельзя пренебрегать. Думаю, этот подарок тебя еще не раз выручит.

– Увидим – отозвался я.

А еще я патронов набрал. Столько, сколько смог унести. В основном, «пятерку» и «макаровские» «девятки», которых в шкафу нашлось неслабо, примерно с полтыщи. В Зоне патроны – лучшая валюта. А если не пригодятся в качестве платежного средства, то для Фыфова «Кедра» пойдут – шам вечно строчит по врагам, словно швейная машинка, только успевай «девятку» покупать.

Само собой, затарились мы и продуктами, и водой. Не особо это, конечно, оказалось приятным делом – в кладовке тот маньяк железномордый тоже нехило потрудился, разделив два тела прямо среди полок с продуктами. Но мы с Фыфом сталкеры ко всему привычные. Поскидывали осклизлые кишки с ящичков, и набрали вдосталь консервов, шоколада, вяленого мяса и галет в бумажных пачках. Плюс две фляги наполнили под завязку из канистры с набитой через трафарет надписью «Питьевая вода». Брезгливый Фыф воду понюхал – и дал добро.

– Вроде ничье дерьмо в нее не попало. Можно хлебать смело.

Я кивнул. Если Фыф сказал, так и есть. Его нюху любая такса позавидует.

И слуху, кстати, тоже.

Покинув кладовку, мы совсем уже собрались выйти наружу, как внезапно шам замер на месте, весь обратившись в слух. Я тоже окаменел – старая привычка. Если напарник насторожился, значит, и сам замри, целее будете оба.

– Шаги... – прошептал Фыф. – Несколько человек...

Не знаю, как он через стены расслышал чью-то поступь по сырой от росы траве, но Фыфу я доверял. А еще я доверял своей интуиции, чуйке по-нашему, по-сталкерски. Поэтому не очень вежливо взял Фыфа за шиворот и швырнул его под стойку бара, куда и сам нырнул следом.

– Какого хрена? – свистящим шепотом взбеленился было Фыф. – Ты что, совсем...

Дошептать он не успел.

Одновременно со всех сторон раздался грохот выстрелов, и дощатые стены бара затряслись от ударов пуль. Свинец прошивал их легко, только щепки летели во все стороны... чего нельзя было сказать о барной стойке, сработанной на совесть. Скорее всего, бармен не сам заказал ее где-то – для такого нищего заведения стойка была слишком богатой, – а утащил из разгромленного или разорившегося бара. Приволок эту деревянную громадину, разобрал на части, а после любовно свинтил-склеил ее до первоначального состояния.

Матёрая была стойка, дубовая, из толстых досок. Наверняка заказанная каким-то барменом, решившим организовать свой бизнес солидно и надолго. Но, видать, не срослось, и штучная конструкция досталась новому хозяину. Получается, тоже на очень короткий срок. И сейчас, лежа под ней, я думал о том, что у каждой вещи, как и у каждого человека, есть свое предназначение. Судьба, то есть. Получается, не для того появилась на свет эта громоздкая стойка, чтоб по ней катались туда-сюда стаканы с дешевым коньяком и тарелки с нехитрой закуской. На самом деле смысл ее создания и существования в этом мире был в том, чтобы однажды она заслонила собою от града пуль двух сталкеров, скорчившихся под нею.

Неведомые враги прочесывали бар очередями обстоятельно, не так как в кино, когда герои лежат себе на полу, поплеывая в потолок, а тупые супостаты чешут очередями в метре над полом. Когда обрабатываешь свинцом строение с тонкими стенками, как раз логичнее прочесывать этот самый метр над полом – не по ногам, так по лежащему точно заденешь.

Конечно, еще логичнее в окна пяток гранат покидать, но то ли у нападающих их не было, то ли боялись посесть осколками своих... То ли тупо патронов дофигища было, но, так или иначе, сейчас они планомерно превращали стены и пол бара в некое подобие дуршлага.

И получалось у них это очень неплохо.

Стойка сотрясалась под градом пуль, но в целом держалась неплохо. Нам на головы сыпались крупные и мелкие щепки, выбитые свинцом из массивной конструкции, но по сравнению с перспективой быть изрешеченными пулями это, конечно, были мелочи.

Наконец, невидимым стрелкам надоело дырявить стены. Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Одновременно. Раз – и тишина. Странно. Кто ж командир этого подразделения, настолько четко выдрессировавший своих подчиненных? Пока в таком грохоте разберешь, что тебе орет старший, полюбому еще пару очередей выпустишь – чисто на всякий случай. Или это нас боевые роботы атаковали, наподобие тех, что однажды я видел возле ЧАЭС?

Впрочем, размышлять было некогда. Противник подарил нам паузу – долгую ли, короткую ли, неясно. Но как бы там ни было, грех не воспользоваться драгоценными секундами.

И я воспользовался.

Скинув с плеч рюкзак, я рявкнул Фыфу:

– Сиди здесь, не высывайся!

И, выскочив из-под стойки, рванул к ближайшей стене, дырявой настолько, что удивительно, как она еще не рухнула.

Впрочем, я помог ей это сделать, с разгону врубившись в нее плечом.

Изуродованные доски даже не затрещали, а лишь жалобно пискнули, ломаясь под моим весом. Плечо заныло от удара, но цель была достигнута – я вывалился из бара неожиданно... и не оттуда, откуда меня могли ждать.

Ну да, как я и предполагал, вокруг здания стояли автоматчики, и больше всего их было возле входа. Надеялись, что мы, испугавшись, ломанемся в двери. В принципе, верный расчет. Скорее всего, так бы я и сделал, надеясь на фантастическое везение, если б не мощная барная стойка, о которой вряд ли знали стрелки.

Которых возле боковых стен здания было несколько меньше...

Прямо перед собой я увидел четыре темные фигуры, синхронно, словно человекоподобные машины, поднимающие оружие. Расслабились, решили, что всё, кранты нам по-любому.

Однако ошиблись.

«КС-23» и вправду оказалась штукой мощной. Вполне верю, что при помощи нее спецназ в легкую выносит навороченные замки стальных дверей и пробивает бетонные стены. И хотя автоматчики были в тяжелых бронежилетах и шлемах с бронешитками, помогло им это мало.

Разумеется, стрелял я не целясь, стараясь метить в светлое пятно между шлемом и верхом броника – в скоротечном бою некогда вглядываться в лица, да и незачем. По-любому при такой ситуации лучше использовать «рассеянное зрение», когда видишь лишь размытые силуэты, но при этом поле зрения расширяется до максимума, не концентрируясь на каком-то отдельном объекте.

Ну, я и израсходовал один патрон, что был в патроннике, плюс три патрона, находящихся в магазине, фиксируя, как от каждого выстрела мои цели просто сносит с места, словно кегли, сбитые метким броском. Впрочем, четвертый автоматчик почему-то остался стоять на месте, лишь его оторванная голова взлетела в воздух, словно мяч, который кто-то шутики ради поставил на плечи безголовому манекену, а потом пнул со всей силы.

Зрелище было впечатляющим, в том числе не только для меня, но и для автоматчиков, столпившихся возле входа. Оно и понятно – только что ты расстрелял убогое здание в пух и прах, и тут из него вываливается какой-то тип с чудовищной пушкой в руках и четырьмя выстрелами превращает твоих товарищей в изуродованные трупы.

В общем, у меня была секунда, не более, на то, чтоб отбросить от себя пустой «КС-23» и перевести свой «Вал» из положения за спиной в боевое...

И уже совершая это простое движение, понимал я, что по-любому шестерых автоматчиков не уложу я одной очередью, что двое-трое из них всяко успеют поднять автоматы на нужную высоту и дать очередь от бедра – большего и не надо с расстояния в двадцать метров, чтоб срезать столь безбашенного стрелка, решившего, что сможет в одиночку расстрелять десяток подготовленных бойцов...

Но тут случилось неожиданное – и для меня, и для группы стрелков.

По их бронжилетам застучали пули. Градом, как может быть только в одном случае – насмерть перепуганный Фыф выскочил из-за стойки, и принялся поливать из своего «Кедра» бойцов в брониках шестого класса защиты. Часто героические поступки так и совершаются – с испугу. Который удалось перебороть. И по факту этой победы над собой совершить невозможное. Например, спасти обреченного друга.

Безумная атака одноглазого мутанта позволила выиграть всего лишь одну секунду. И этой секунды мне было достаточно, чтобы начать стрелять одиночными, зная, что каждая пуля попадет в цель...

Очередь Фыфа не принесла врагам никакого ущерба, лишь отвлекла троих слева, которые, вскинув автоматы, принялись стрелять... не в меня. Паскуды, лучше б в меня стреляли! Я прям увидел мысленно, как выскочившего из-за стойки Фыфа рвут автоматные пули, и как он безуспешно пытается удержать в лапах свой «Кедр», магазин которого стремительно пустеет...

Однако все это не помешало мне отработать по врагу с предельной точностью. Вернее, даже помогло, ибо я прекрасно понимал, что один, всего один мой промах добавляет лишнюю пулю в тело Фыфа, и хорошо, если одну. Думаю, в эти секунды я поставил какой-то немислимый рекорд по отстрелу врагов из автомата «Вал», но я не промахнулся ни разу. Каждая пуля нашла свою цель – кому в подбородок прилетело, кому в кадык. В общем, каждый автоматчик получил свой свинцовый гостинец со стальным сердечником внутри, так и не успев выстрелить ни разу в мою сторону. Чего я не мог сказать о Фыфе... Черт, что с ним там теперь???

Я рванул было обратно, в бар, который скрипел отчаянно, готовый вот-вот развалиться, но из-за угла вдруг вывернулся еще один стрелок в бронике. Громадный, выше двух метров ростом, и плечи раза в два шире моих. Не иначе, командир подразделения этих гребаных охотников за головами. Твою маму, когда ж вы закончитесь-то уже! Очень надеюсь, что эта громадина – последний выживший из тех, кто так хотел покрошить нас с Фыфом в мелкий винегрет.

Я вскинул автомат, но непроизвольно замешкался на секунду, перехватив взгляд стрелка. Неподвижный, как и его лицо, не выражающее абсолютно никаких эмоций, словно на человеческую физиономию натянули фарфоровую маску, покрашенную в телесный цвет. Но не каменная морда врага заставила меня потерять драгоценную долю секунды, а его глаза, горящие неестественно-

лазурным светом, словно внутри черепа нападающего зажгли фонарь с синим светофильтром.

Понятное дело, в разных мирах я неоднократно встречал различных монстров, и неестественно-горящие глаза врага вряд ли были причиной терять драгоценные полсекунды... Просто я уже видел ранее свет именно такого спектра. Именно такой лазурью сверкал кристаллообразный Монумент, сокрытый в глубинах разрушенного Четвертого энергоблока ЧАЭС.

И именно таким светом горели глаза Призрака, душу которого похитила эта аномалия...

Казалось бы, мелочь эти полсекунды, но в бою это – время, которое ты потерял, возможно, вместе с жизнью. Во всяком случае, этого времени хватило автоматчику, чтобы ударить стволом «калаша» по стволу моего «Вала», после чего крутануть свой автомат, нанося мне удар прикладом в челюсть.

Если б захваченному Монументом стрелку удалось то, что он задумал, валялся бы я в кровавой грязи со сломанной челюстью и в полном отрубле – нанесенный со всей силы удар в подбородок деревянным прикладом чреват именно такими последствиями. Но я чудом успел отклониться в сторону, и металлический затылок приклада лишь снес кусок кожи с моей нижней челюсти.

Даже касательный удар такого рода способен на некоторое время заставить человека «поплыть». Но мне плавать было некогда, поэтому я, недолго думая, треснул прикладом своего «Вала» в рожу синеглазому, прямо промеж его лучистых гляделок.

Приклад у «Вала» трубчатый, весу в нем против «акашного» немного. Зато он полностью металлический, и достаточно прочный для применения в ближнем бою. Я аж ладонями почувствовал хруст носовых хрящей, сломанных тем прикладом в кашу. Нормальный человек от такого удара как минимум рухнул бы на пятую точку, выпустив из рук оружие...

Но передо мной был явно не обычный человек, а, скорее, биологическая машина, не чувствующая боли. Из расплющенного носа потоком хлынула кровь, но стрелка это не впечатлило. Лишь немигающие глаза засияли ярче – хотя,

может, мне это лишь показалось. Немудрено, в челюсть он мне заехал неслабо, и не такое показаться может. Плюс все же, наверно, «поплыл» я немного. И, скорее всего, потому не успел среагировать на стремительное движение рук противника.

Неуловимое движение стволом АК – и мой «Вал» со страшной силой вырвало из моих рук. Вот оно как... Похоже, мой противник при жизни был нехилым знатоком окопного боя, и после того, как Монумент захватил его, навыки ходячей куклы никуда не делись.

Как и некоторые эмоции, которые нелегко подавить даже самой сильной аномалии. Например, радость победы.

Бледные губы синеглазого манекена растянулись в некое подобии торжествующей ухмылки. Приклад автомата вознесся над моей головой для последнего сокрушающего удара... но я уже летел в броске навстречу тому удару, сжимая в руках два ножа, выхваченных из ножен: одних на поясе, других – спрятанных за голенище «берца». «Бритва» и «Сталкер», два моих неразлучных товарища. Первый совершенно новый с виду, словно только что откованный, второй же изрядно поцарапанный, со следами грубой заточки на лезвиях, но вполне еще годный для того, чтобы воткнуть его в левый глаз врага по самую рукоятку.

Точно так же, как «Бритву» – в правый, так как не было у меня уверенности, что мозг такого здоровенного бугая удастся фатально впечатлить одним ударом ножа.

Я прям ладонями, сжимавшими рукоятки ножей, почувствовал, как клинки проткнули глазные яблоки, проломили клиновидные кости и провалились внутрь черепа. В груди стрелка что-то захрипело, словно он был не живым существом, а механизмом, внутри которого случился сбой. Синяя вспышка плеснула из-за гард ножей, закрывших собою глаза, но автомат бугай из рук не выронил, лишь замешкался на мгновение – того и гляди опустит приклад мне на макушку.

Хоть и хреново мне было, хоть и плавала перед глазами широкая морда бугая, но я все-таки нашел в себе силы провернуть оба ножа в черепе врага и выдернуть их, одновременно отпрыгнув назад.

И вовремя. На какое-то мгновение внутри живой машины что-то восстановилось, и она опустила приклад на то место, где я стоял секунду назад.

Но меня там уже не было, и стрелок рухнул вперед, следуя за инерцией собственного удара. И, упав безглазым лицом вниз, остался лежать громадной кучей мертвого мяса.

Я продолжал сжимать в руках ножи, с клинков которых медленно стекала на землю синеватая, вязкая жижа. Но труп больше не двигался. Человек умер, и Монумент отпустил его так же, как в свое время отпустил Призрака. Аномалии, твердо вознамерившейся убить меня, не нужны мертвые куклы.

А еще я точно знал, что за мгновение до моего двойного удара в глазах стрелка, залитых аномальной синевой, вдруг мелькнуло что-то человеческое. И удар, готовый обрушиться на мою голову, замедлился усилием воли человека, который решил, что лучше умереть, чем жить безвольной куклой, которую дергают за ниточки. Достойный выбор настоящего воина.

– Упокой тебя Зона, – прошептал я.

Потом обтер клинки ножей об серую траву, сунул их в ножны, подобрал с земли свой автомат, закинул его за спину, и бегом ринулся в бар, стены которого скрипели не на шутку, того и гляди завалится набок постройка, изуродованная пулями...

Фыф сидел на полу, прислонившись спиной к барной стойке – видимо, на нее и отбросили шама автоматные очереди, когда он попытался ломануться в дверь, стреляя на ходу. И одного взгляда, брошенного на Фыфа, мне было достаточно, чтобы понять – все... Не жилец шам. Даже с двумя сердцами не выжить никому, если вся грудь и живот разворочены, разодраны очередями, и живого места нет на теле, и левая нога полуоторвана в районе бедра, лишь клочок кожи соединяет ее с телом, лежит себе она рядышком, словно посторонний, никому не нужный предмет...

Я бросился к Фыфу, понимая, что ничем уже не смогу ему помочь. Разве только встать на колени перед умирающим и заглянуть в его единственный глаз, который уже понемногу заволакивала пелена вечности...

- Ну, вот и все, - прошептал шам. - Настю спаси... Теперь только ты сможешь...

И умер, не договорив.

- Ну уж нет! - прорычал я. - Ни хрена подобного! Ты выберешься! Слышишь? Ты должен выбраться!!!

Рывком я взвалил легкое тельце шама на плечо и рванул наружу. Успел вовремя - бар рухнул за моей спиной, но я не обернулся. Плевать на все! Потому, что у меня на плече Фыф, который не может, просто не может умереть! Потому, что это неправильно! Потому, что это же меня он спасал, когда стрелял по тем уродам в брониках, мою шкуру вытаскивал из лап Сестры! Так ты это, ты погоди, Сестра, я ж твой побратим, ты же не можешь вот так забрать Фыфа!

«Он ушел» - прошелестел в моей голове бесплотный голос, - а, может, мне только показалось, может, это просто ветер шуршал мусором и сухими травинками, вплетая их в волосы убитых мною пленников Монумента. «Он ушел... Отпусти его, брат».

Я остановился и медленно опустил мертвого Фыфа на землю... И почувствовал, как по моим щекам катятся слезы - возможно, первые настоящие слезы в моей жизни, так как я не помню, чтобы когда-нибудь плакал, даже в далеком детстве, о котором запретил себе вспоминать. Я отпускал настоящего друга в далекий Край Вечной войны, и понимал, что большей боли никогда не испытывал в своей жизни. Плевать, когда болит тело, принимая в себя пулю, нож или осколок. Это всегда терпимая боль, и если она станет запредельной, организм просто отключится. А когда болит душа, когда выкручивает ее горе, корежит, рвет на части, ничто не в силах заглушить эту боль. Ничто...

Это было хорошее место, так уж получилось. Наверно, сама Зона привела меня сюда. Корявое одинокое дерево на небольшом пригорке неподалеку от рухнувшего бара. Пройдет месяц-другой, и на месте кучи простреленных досок не останется ничего, сгниет все, а что останется зарастет серой травой, с виду вроде безжизненной, но на самом деле живучей, как сама Зона...

А вот дерево останется стоять. Изуродованное радиацией, лишенное листы и плодов, но крепко вцепившееся корнями в зараженную землю. Лучший памятник настоящему сталкеру, так как мы - такие же, как это дерево.

Искореженные Зоной, лишенные семьи и потомства, но живущие ради наших целей, которые ставим себе постоянно – и достигаем их. Или умираем, напоследок завещав друзьям доделать то, что не успели при жизни.

– Я обещаю тебе, Фыф, я обещаю, – бормотал я, вонзая в землю клинки своих ножей. – Я вернусь в мир Кремля, и с Настей все будет нормально. Я расскажу, как ты умер, и если она попытается убить меня за то, что не уберег тебя, я не стану сопротивляться. Это ее право будет, потому что она любила тебя. А я не уберег, урод эдакий, друга не уберег, настоящего друга...

Я говорил что-то еще, отгребал руками разрыхленную землю, снова вонзал в нее ножи, и опять говорил – и все равно не мог выплеснуть из себя все то, что было на душе. А потом слова закончились, и я снова с остервенением терзал землю Зоны, но теперь уже молча, лишь изредка рыча, как раненый зверь...

Это всегда страшно, терять настоящего друга. Очень страшно. Но проходят секунды, минуты, одна за другой – и мозг постепенно отходит от шока, и осознаешь ты, что – всё. Нет больше боевого товарища, погибшего ради того, чтобы ты мог жить. И все, что ты можешь сделать для него, это опустить мертвое тело в могилу и засыпать его землей. А еще – помнить потом. Долго. Всю жизнь, раз в неделю, а, может, и чаще поднимая стопку за тех, кто навсегда остался в Зоне, вспоминая их лица... То, как они жили... И как умерли. Большинство – из-за тебя.

И от этого будет еще больнее.

Я не стал ставить традиционный крест над могилой – развесистое одинокое дерево было лучшим могильным памятником из всех возможных. Признаться, если б я сам выбирал себе место для могилы в Зоне, то я вряд ли нашел бы лучшее.

– Спи спокойно, Фыф, – прошептал я, как следует утрамбовав землю ладонями. – Упокой тебя Зона.

После чего поднялся на ноги, повернулся, и пошел обратно к бару. Мне очень хотелось обернуться – показалось, что Фыф стоит сейчас рядом с деревом и грустно смотрит мне вслед.

Но я не обернулся. Ни к чему. Проводив – отпусти, и иди дальше. Тем более, что я обещал маленькому шаму найти путь в мир Кремля и выручить Настю. А такие обещания не просто нужно выполнять.

Необходимо.

Без вариантов.

И как можно скорее.

* * *

На месте бара теперь была лишь груда досок, но мне удалось вытащить из-под нее рюкзак – благо неубиваемая барная стойка приняла на себя удар рухнувшей крыши и рюкзак, валявшийся рядом с ней, ничуть не пострадал. А еще я подобрал «КС-23», лежавший рядом с безглазым трупом командира отряда убийц. Супермощный огнестрел на короткой дистанции безусловно хорош для зданий и подземелий, которых в Зоне великое множество, поэтому расставаться с ним я в ближайшее время не собирался – по крайней мере, пока для него есть патроны.

А вот «Вал» пришлось выбросить. При его осмотре обнаружилась неустраняемая деформация крышки ствольной коробки. Во время последнего боя здоровенный вражина вышиб у меня из рук автомат, и тот грохнулся об замшелый кирпич, торчащий из земли. В результате хорошее оружие пришлось сменить на трофейный АК. Хотя, может, оно и к лучшему – патроны для «калаша» в Зоне найти не в пример легче, чем дефицитные СП для «Вала».

Я попытался разузнать, что ж за уроды пожаловали по нашу душу, но тщательный осмотр трупов ничего не дал. Камуфляжи «флора», в которых ползоны ходит, «калаши», разгрузки, набитые запасными магазинами – и всё. Ни провизии, ни фляг с водой, ни личных вещей. Чисто боевые «торпеды», запущенные в конкретную цель.

– Что ж, Монумент, повоюем, – зло хмыкнул я, глядя в открытые глаза одного из трупов, еще подернутые легкой, едва заметной синевой. – Понимаю, что задолжал я тебе свою жизнь, но уж извини, она мне самому нужна. Цель

у меня есть, понимаешь? Хотя что ты можешь понимать, машина бездушная...

Сказал, повернулся, и пошел себе к шоссе, которое, по моим предположениям, должно было быть к юго-западу отсюда. По нему я надеялся дойти до развилки, обозначенной на карте в КПК, повернуть налево, по широкой дуге обогнуть Копачи (ну их к ктулху! Ходил уже однажды через них напрямки, хватит!), а там километра четыре по лесу до Живого Болота, неподалеку от которого жил Кузнец, отковавший мою «Бритву». Очень я надеялся, что этот жуткий с виду мутант сможет починить мое оружие – если, конечно, он остался жив после той передраги, когда я видел его в последний раз.

Шел я, накручивая себя: не думать о могиле, оставшейся за спиной, не думать, не думать!!! Тяжело, страшно тяжело терять друзей, но если ты хочешь выжить в Зоне, все мысли твои должны быть о выживании, иначе сам быстрее быстрого ляжешь в могилу. А вернее, будешь валяться в кустах с пулей в башке, пока тебя не растащат по кусочкам ночные муты – потому, что некому тебя будет хоронить. Никому ты на фиг не упал в Зоне, чтоб возиться с твоим трупом, в отличие от...

Стоп. Отставить, сталкер. Хорош. О мертвых друзьях помнить нужно, но сейчас для этого не время и не место. Потому что ты уже минут двадцать шагаешь по шоссе, ни черта не соображая, а вон там, впереди, слышны выстрелы. Кто-то увлеченно кого-то мочит, и, возможно, теперь это и твое дело, так как между очередями разок отчетливо прозвучал характерный взвизг. Женский? Может быть, очень уж похоже. А значит, обойти, пройти мимо чужой разборки не удастся. Не могу я, если женщину обижают, и все тут. Такой вот у меня дурацкий моральный кодекс, и ничего с этим не поделать.

Я прибавил шагу, почти побежал, что непросто с двумя стволами и рюкзаком, под завязку набитым хабаром. Но без оружия и припасов никак нельзя. Сдохнешь в Зоне без них еще быстрее, чем на случайную пулю нарвешься. Потому и бежал я так, как мог.

И успел вовремя.

Шоссе упиралось в бетоноперегрузочный узел, использовавшийся при строительстве Саркофага. Эдакую двухэтажную стену, сложенную из белых силикатных блоков, по верхней части которой шел ряд неплохо сохранившихся

металлических колоколов для заливки бетона. В целом узел здорово напоминал крепостную стену, на вершине которой шел нешуточный бой. Один человек в просторном камуфляже-«цифре» и с капюшоном на голове отбивался от целой стаи квазимяса, уродливых порождений Зоны.

Существует мнение, что квазимясо произошло от домашних свиней, мутировавших под воздействием неведомых излучений. Чаще всего эти твари выглядят как бесформенные нагромождения плоти. При этом они могут быть весьма опасны для человека, особенно если в процессе мутации Зона смешала в один организм свинью вместе с каким-нибудь другим животным, птицей или насекомым. Квазимясо встречается с волчьими пастями, медвежьими когтями, увеличенными жвалами жука-олени и тому подобное.

В данном случае стая мутантов напоминала куски буро-желтой плоти, из которых во все стороны торчали мощные паучьи ножищи. А спереди – челюсти, похожие на огромные костяные плоскогубцы, по бокам которых располагались гибкие отростки с мощными когтями на концах. Эдакие заменители рук для запихивания в пасть добычи. В общем, жуть жуткая. От свиньи в этих тварях осталось, пожалуй, лишь яростное хрюканье, больше похожее на рычание. Твари бесились оттого, что, несмотря на численное превосходство, ни черта у них не получалось.

Одинокий боец занял выгодную позицию на вершине стены, и довольно успешно рубил мутантов двумя длинными ножами с клинками, изогнутыми вовнутрь. Тоже, кстати, жуткое оружие в руках того, кто умеет им пользоваться. Такой нож-меч называется кукри, и является национальным ножом непальских гуркхов – добровольцев, вот уже лет двести состоящих на службе в британской и индийской армиях. Хороший боец способен одним ударом кукри отделить руку или голову врага от туловища, либо рассечь грудину и живот сверху вниз, попутно выдернув кишки из брюшной полости.

И вот сейчас воин на стене, двигаясь удивительно быстро, вполне себе успешно отрубал тянущиеся к нему когтистые щупальца и паучьи конечности, которыми квазимясо периодически пыталось про-ткнуть шустрого бойца.

Однако долго продолжаться это не могло. Штук семь тварей корчились возле подножия стены, но на нее лезли несколько десятков. И там, наверху, уже дюжина была, не меньше. Кстати, если б квазимясо не лезло всей кучей к воину, трясась от желания покормиться, а грамотно напало со всех сторон,

вполне хватило бы четырех мутантов, чтобы убить человека. А так муты лишь мешали друг другу, не достигая желаемого...

Впрочем, даже у самых тупых тварей (к некоторым людям, кстати, это тоже относится) рано или поздно просыпается здравая мысль. И тогда самому что ни на есть сильному, быстрому и успешному наступает конец. Вот и сейчас квазимясо, словно повинувшись неслышной команде, отпрянуло в стороны от бойца, явно собираясь тупо навалиться кучей.

А боец устал... И, возможно, был ранен, так как стоял немного скособочившись – явно берег левую ногу. Но ножи свои не бросил, и явно сдаваться не собирался. Это он молодец. Другой бы, видя гибель свою неминуемую, сломался б, типа, черт с вами, убивайте, только чтобы поскорее все это закончилось. Видал я таких, и уважения к ним не испытываю.

Этот же сталкер явно был правильный, и не дело это, когда правильного человека всякая нечисть прессует. Во всяком случае, я так считаю. Хотя знаю, что считаю неправильно. Гораздо рациональнее при виде такой ситуации мысленно поблагодарить Зону за то, что какой-то незнакомец невольно отвлек на себя стаю мутантов, позволив тебе беспрепятственно пройти мимо не тратя патроны и не рискуя жизнью понапрасну. Поблагодарить – и пройти, прошептав короткую заупокойную молитву.

Но у меня ж, блин, кодекс мой гребаный, и потому сейчас я, вместо того, чтобы идти своей дорогой, уже сбросил на землю тяжелый рюкзак и расстегнул клапаны подсумков на разгрузке, чтоб проще было выдергивать из них сменные магазины. Ибо мутантов было много, а я один – раненый ножевик не в счет.

А еще я знал, что как только я открою огонь, стая квазимяса забудет про свою жертву и ринется на меня. Насчет этого у них стадное чувство замечательно развито – сначала устранить наиболее опасного противника, а потом уже заниматься слабыми, ранеными и беспомощными. В общем-то, верная тактика выживания, не поспоришь.

– Ну ладно, – выдохнул я, щелкая переводчиком огня. – Блин, пора свой кодекс менять что ли, а то никаких патронов не напасешься...

И не договорил. Потому, что мутанты бросились на ножевика. Все, разом. И задавили бы его массой сто процентов, если б те, что нападали с правой стороны, не напоролись на рой свинцовых гостинцев, вылетевших из ствола моего АК.

Некоторые не любят самый первый автомат Калашникова образца сорок девятого года. Мол, тяжелый, калибр «семерка», патронов много не унесешь, пуля, в отличие от «пятерки», шьет противника, а не кувыркается внутри него, расширяя раневой канал и нанося более существенные повреждения...

А по мне так АК – в самый раз то, что русскому мужику нужно. И в вправо-вверх автомат тащит меньше за счет его массы при стрельбе очередями, и сам по себе он дубина еще та – патроны кончились, значит, хреначь прикладом и не сомневайся в результате такого удара. Да и делали их в те годы, что называется, на века. Не, ничего не скажу против дальнейшей, усовершенствованной линейки «калашей», тоже машинки замечательные и надежные. Но по мне первый АК – это как первая любовь: прижал к себе – и отпускать не хочется.

Ну, я и не отпускал, вжав приклад в плечо и молотя по мутам на стене короткими очередями, стараясь метить в самое уязвимое место – промеж вылупленных, бессмысленных глаз, расположенных над раззявленными пастями.

Так или иначе, затея квазимяса не удалась. Те, что пёрли на раненого бойца справа, превратились в кучу визжащего мяса, где мертвые и раненые путаются под ногами живых, и уже не разобрать, кто там бьется в агонии, а кто пытается вылезти из-под агонизирующего.

А те, кто напал слева, ломанувшись вперед, не смогли затормозить и по инерции врезались в ту самую кучу. При этом я успел заметить, как раненый боец за мгновение до столкновения успел прыгнуть вниз, прямо на спины мутантов, упорно лезущих на стену. Смелый поступок в квадрате...

Правда, тех, лезущих наверх, этот боец уже не интересовал. Стая резко разобралась в приоритетах и, развернувшись, рванула в мою сторону...

В магазине оставалось еще с десятков патронов, но я все равно сменил его на новый, забитый под завязку. Потому, что теперь счет пошел на секунды.

И если за эти секунды я не остановлю рычащую и визжащую волну мутантов, то меня если не порвут, то тупо затопчут паучьими ногами, похожими на суставчатые копыта с кривыми когтями на концах.

И я стрелял. Хладнокровно, расчетливо, одиночными, словно в замедленном фильме наблюдая за тем, как мои пули дробят костяные челюсти на длинные осколки, как пробивают вылупленные глаза, лопающиеся, словно пузыри с гноем, как раскалывают черепа, покрытые уродливыми наростами. И как падают, медленно падают в грязь страшные чудовища Зоны, заставляя бегущих следом перепрыгивать через их тела.

Удавалось это не многим – все-таки квазимясо мутант не маленький, в высоту-то метра два точно будет. А паучьи ноги больше приспособлены для лазанья по отвесным стенам, чем для прыжков в высоту. Поэтому сейчас на меня уже не неслась озверевшая стая мутов, а катилась волна верещащего мяса, в которой перемешались морды, конечности и туши – как изуродованные моими пулями, так и случайно разодранные когтями соседей по несчастью.

«Двадцать восемь... двадцать девять... тридцать».

Всё. Патроны кончились. Я выпустил из рук автомат и дернул из-за спины «КС-23». Выручай, ручная гаубица!

Выстрел... Черт, я и забыл, что первый патрон, тот, что в стволе – со стальной пулей. Предполагался он для очередного синеглазого уroda, ежели таковой появится по мою душу, но достался самому резвому квазимясу, который умудрился вырваться вперед на полкорпуса из катящейся на меня кучи-малы.

Вырвался – и получил в харю двадцатитрехмиллиметровую пулю, разорвавшую ту харю на части. Показательно. На любой войне первым достаются самые весомые ништяки. Правда, среди них попадают и летальные.

Разлетевшаяся во все стороны кроваво-мозговая каша на мгновение дезориентировала тех мутов, что, несмотря на проблемы с перемещением, все-таки рвались ко мне, выдирая лапы из мясной мешанины. Это дало мне лишнюю секунду на то, чтобы дослать патрон в патронник, и выстрелить еще раз.

Теперь это был патрон с зарядом картечи, так называемый боеприпас «Шрапнель-25», на расстоянии двадцати пяти метров прицельно сметающий на своем пути все живое.

В данном случае это было похоже на красную кляксу, расцветающую в самом центре волны мутнов. Во все стороны медленно, словно нехотя полетели кровавые брызги, ошметки плоти и осколки костей. По ушам резанул истошный визг – видать, кому-то прилетело не фатально, но экстремально больно. Ну да, вон тому уроду с глазами, практически вылезшими из орбит, нижняя половина тела которого улетела в никуда. Знатная пушка у меня в руках, ничего не скажешь. Признаться, я сам не ожидал такого эффекта. Но удивление не помешало мне дослать в патронник очередной патрон и выстрелить снова.

А потом еще раз...

После этого, на первый взгляд, от волны мутантов остались лишь разрозненные фрагменты тел. Но я ошибался. Квазимясо на редкость живуче, и сейчас, чавкая паучьими лапами в кровавой грязи, ко мне ковылял мутант, таща за собой две полуоторванные лапы. Что, впрочем, не особо мешало раненой твари двигаться.

Рывок... Еще рывок...

В двух шагах от меня тварь занесла кверху свои когтистые отростки и напрягла оставшиеся конечности, готовясь к прыжку. Но я уже стоял с двумя ножами наготове. Ну, что ж, давай повоюем на равных – твои два костяных ножа против двух моих. Посмотрим кто кого.

Но побиться с квазимясом один на один у меня не вышло. Внезапно откуда-то сбоку под брюхо твари метнулась темно-зеленая тень. Сверкнули два кривых ножа – и из распоротого брюха мутанта в грязь с омерзительным чавканьем посыпались кишки, а шустрый боец уже выскочил из-под массивной туши, попутно рубанув своим кукри по одной из паучьих ног.

Квазимясо дернулось было влево, пытаясь настичь своего убийцу, но у него ничего не вышло. Одна из длинных ног запуталась в выпавших кишках, а другая, надрубленная, подломилась, и тварь со всего маху рухнула в багровую лужу, подняв тучу брызг.

А шустрый воин не теряя времени подскочил к врагу и, со всего маху вонзив кукри ему между глаз, с хрустом провернул в черепе врага свое оружие.

Всё...

На стене еще возились мутанты, пытаюсь выпутать свои ноги из конечностей сородичей – но при этом те, кому это удалось, не спешили мстить за погибших соплеменников. Наоборот, при виде того, что стало с ними, муты спешили ретироваться как можно быстрее – второй отличительной особенностью квазимяса является способность быстро учиться и делать правильные выводы. В этом они очень напоминают гиен или шакалов, тварей в стае очень наглых и агрессивных, но поодиночке весьма разумных в плане свалить подальше, когда опасность становится очевидной.

Короче, бой был окончен, и я, ощущая предательскую дрожь в организме, поспешил зарядить карабин. Еще немного – и меня накроет отходняк. Так всегда бывает после того, как во время боя я впадаю в состояние суперскорости и суперметкости. Дар у меня такой, открывшийся в Зоне, и постоянно совершенствующийся. То есть, чем больше шастаю я по зараженным территориям, тем стреляю лучше, и становлюсь быстрее в движениях. Таким меня видят противники. Сам же я ощущаю данное состояние как замедление времени...

Ну и отходняки после приступов боевых сверхспособностей становятся все круче. Раньше просто жажда одолевала, в легкую мог зараз две литровых фляги воды вылакать. Сейчас же случается, что просто вырубаясь на фиг, и в себя прихожу через час-полтора. Правда, это бывает только после длительной битвы с дополнительными бонусами в виде разглядывания противников сквозь стены, прорыва в их мысли, и так далее. И кто его знает, как оно сейчас обернется. А оружие-то не заряжено... Конечно, если рухну сейчас и отключусь, без разницы, заряжено оно или нет. Но по-любому непорядок когда оно незаряжено...

Так. Мысли начали путаться, пальцы трясутся – никак патрон из подсумка вытащить не могу. Началось, блин. И хрен его знает, что на уме у этого шустрого вояки. Может, ему рюкзак мой приглянется, а в Зоне для многих совершенно не запахло прирезать своего спасителя ради хорошего хабара. Даже поговорка у них есть соответствующая, мол, «прости, друг, но Зона тесна для нас двоих». И – ножом по горлу. Блин, гребаный дар, после всплеска которого я на некоторое

время становлюсь беспомощным, словно ребенок...

Но тут воин в просторном камуфляже (как минимум на размер больше, чем нужно) повернулся ко мне, резким движением головы сбросил капюшон назад – и как-то сразу забыл я и про свое беспомощное состояние, и даже про патрон, который я выловил наконец в своем подсумке, а вставить в магазин и забыл.

Потому, что передо мной с двумя окровавленными кукри в руках стояла девушка необычайной, неестественной, сногшибательной красоты с большими, пронзительно-зелеными глазами. Только теперь я разглядел, что просторный камуфляж в районе груди недвусмысленно приподнят, и, наверно, неспроста он больше на размер – так местные кобели в человеческом обличье не сразу разглядят под ним девушку. И это для девушки намного лучше. Если мужика-одиночку или сразу завалят, или обойдут стороной, то для особы противоположного пола вариантов на зараженных землях немного. Истосковавшиеся по женскому телу ловцы удачи в большинстве своем морочиться не станут. Изнасилуют, а после с большой долей вероятности пристрелят девчонку – Зона всё спишет...

Девушка стояла и смотрела на меня изучающе. Что, мол, за фрукт такой загадочный – в одну харю целую стаю мутов расстрелял, а сейчас стоит, пялится и трясется. Наркоман что ли, сука? Может, и его прирезать до кучи, чтоб не сомневаться?

Я тоже смотрел на нее, понимая, что природа просто физически не способна создать такое совершенное лицо, вылепить столь безупречный нос, словно резцом скульптора очертить полные, яркие губы, так ровно расчесать щеточки неестественно-длинных ресниц и безупречно выгнуть дуги бровей, которых явно не касались ни пинцет, ни кисть косметолога – какие тут, блин, косметологи, в Зоне-то?

А еще поражали ее волосы – не спутанные и грязные космы, как можно было ожидать после напряженного боя, а отливающие золотом тяжелые золотые волны, рассыпавшиеся по плечам, словно в рекламе дорогого шампуня.

Все это живо напомнило мне другую девушку, тоже безупречно-красивую, с глазами цвета чистого неба, ради которой я не раз проходил через границы

миров и рисковал жизнью на пути к ней. И причина такой совершенной красоты была для меня очевидна, ибо такое чудо невиданное мог создать лишь один артефакт на свете...

– «Всадница»? – хрипло проговорил я – после приступа боевого транса в горле было сухо, как в жерле действующего вулкана, того и гляди раскаленной лавой срыгну.

– Откуда знаешь о «Всадниках»? – немедленно отозвалась девушка, словно ждала этого вопроса. Голос у нее оказался под стать внешности – глубокий, насыщенный. С таким в опере арии петь, а не по Зоне шастать.

– Пересекались как-то, – сказал я, с удивлением отмечая про себя, что приступ отходняка вроде как отступает не начавшись. Надо же! Вон как гормон-то животворящий действует! Увидел красавицу нереальную, и тут же организм перестроился с «щас сдохну на хрен» на «давай, хозяин, бегом размножаться, не до фигни».

И она это явно заметила, после чего в ее глазах очень явно промелькнуло презрительное «такой же кобель, как и все». Что, впрочем, меня несколько не расстроило. Секундная сугубо мужская реакция на красивую девчонку прошла, уступив место здоровому практицизму. У меня была своя, совершенно конкретная цель, на пути к которой никакие романтические заходы не могли быть в принципе. Так что помог девушке – и ладно, далее каждый пошел своей дорогой.

Поэтому я опустил глаза, и несколькими движениями снарядил магазин своего «КС-23». После чего перекинул его за спину, подобрал автомат и занялся его осмотром. Да нет, нормально все вроде, грязью не забился...

– Стоп. А я кажется тебя знаю.

В голосе девушки слышалось легкое раздражение.

Я поднял глаза.

Ну да, чего-то подобного я, признаться, и ожидал. Если ты смотришь на красивую женщину нормальным и естественным плотоядным взглядом, тут же следует реакция: «фу, мерзость какая, урод, такой же, как все! Да пошел ты!» Но стоит не отреагировать на ее прелести, как возникает немедленное: «ах ты, урод, я что, тебе по фигу? Да пошел ты!»

Я вздохнул. Отвык, признаться, от этих женских штучек, так что точно самое лучшее поскорее свалить отсюда, пока не пришлось реагировать на женское «фи!», исполненное двумя кукрями в морду. А реагировать не хотелось – девчонка была и вправду слишком красива, таких нашему брату всегда убивать нелегко.

Примкнув к автомату полный магазин, я взвалил на плечи рюкзак и даже сделал пару шагов, собираясь обойти девчонку, вставшую на дороге...

Но так просто свалить не получилось. Красавица решительно шагнула вправо, встав на моем пути.

– Не тебя ли я видела в нашем лагере вместе с Сорок Пятой именно той ночью, когда у нас был украден «фотошоп»?

Я остановился.

Вот это поворот... Похоже, дела давно минувших дней сегодня получили продолжение. Артефакт «фотошоп», способный полностью менять внешность людей, стащил у «Всадников» не я, но именно меня они обвинили в этом, а после гонялись за мной всей ордой, чтобы отомстить[3 - Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон Снайпера»]. «Фотошоп» был для них не просто артом, но реликвией, на которую они чуть ли не молились, так что их вполне можно было понять. К счастью, ничего у «Всадников» не вышло, и по слухам после того происшествия группировка быстро развалилась, прекратив свое существование.

– Если ты думаешь, что это я украл ваш артефакт, то сильно ошибаешься, – сказал я, при этом следя за тем, чтоб ствол моего автомата смотрел на колени девицы. Я, конечно, женщин люблю и уважаю, но лишь до тех пор, пока они не пытаются нашинковать меня в бастурму. Ну, а коли все же пытаются, выхода всегда два.

Первый – это отобрать режущие предметы и как следует отшлепать по филейным частям, чтоб неповадно было. Второй случай – это если дама профи во владении холодным оружием. Тогда, увы, приходится действовать на опережение, причем максимально жестко, ибо я не настолько джентльмен, чтобы позволить красивой девчонке за здорово живешь выпустить мне кишки.

Эта «Всадница» была профи, и если она решит поквитаться со мной за преступления, которых я не совершал, придется действовать по обстоятельствам.

Но тут случилось неожиданное.

Внезапно она разжала пальцы и оба ее кукри шлепнулись в грязь словно два больших и сытых червяка, измазанных кровью. А потом она шагнула вперед, протягивая руки к моему лицу.

Черт... Охренеть разрыв шаблона... Я был готов к чему угодно.

К долгим и нудным словесным разборкам на тему «как ты посмел нас обокрасть?».

К вспышке ярости – «всадницы» всегда славились неукротимым нравом, и моя Маша не исключение.

К безэмоциональному, хладнокровному прыжку с места с одновременным замахом обоими ножами, похожими на короткие мечи...

И на каждый сценарий у меня уже был начерно набросан план действий – Зона приучает принимать быстрые решения.

Но когда к мужику, протягивая руки, идет безоружная красавица, вряд ли этот мужик станет стрелять ей по коленям. Хотя, наверно, стоило бы. В Зоне лучше стрелять во все непонятное, пока оно не превратилось в чудовище с клыками длиной в ладонь, и не откусило тебе голову, слишком долго думающую над очевидным решением проблемы.

Но я не выстрелил. И пятиться тоже не стал, ибо глупо это – сваливать, когда безумно красивая девушка пытается дотронуться до тебя. Так и стоял, пока моих висков не коснулись прохладные пальцы. Прохладные, нежные – и в то же время липкие от не успевшей свернуться крови квазимяса.

Двойственное ощущение, если честно. Я попытался было мотнуть головой, мол, хорош, подруга, не люблю я эти кровавые нежности посреди трупов... но ничего у меня не вышло. Тело словно парализовало, а перед глазами с ужасающей быстротой замелькали картинки, похожие на кадры кинохроники, поставленной на перемотку.

Но, несмотря на скорость движения этих картинок-образов, у меня отлично получалось уловить информацию, которую они несли. Потому, что когда перед твоими глазами в бешеном темпе проматывают киноленту твоей жизни, тебе не нужно пытаться тормозить перемотку, чтобы разобраться что к чему – и так все ясно.

Пришла равнодушная мысль, что я умираю. Говорят, при перемещении на тот свет человек видит всю свою прожитую жизнь. Не завидую умирающим. По второму разу смотреть эту скучную мыльную оперу – удовольствие не из приятных. И какой бы яркой, насыщенной и интересной не казалась твоя жизнь окружающим, ты-то знаешь, что в чужих руках хабар всегда кажется толще, богаче и привлекательнее. Живешь, блин, выживаешь, убиваешь других, чтобы жить... А на хрена всё это нужно, если все равно помирать? Так, бессмысленная возня ради нескольких лишних кадров кинохроники, которые ты, мысленно зевая от скуки, просмотришь на перемотке перед тем, как перешагнуть порог Края Вечной войны...

Наконец, с бешеной скоростью пронеслись перед моими глазами недавняя драка в баре, ночевка в Гнилой роще, перестрелка с синеглазыми, смерть Фыфа, бой с квазимясом, встреча с «всадницей»...

Всё...

По логике вещей, сейчас я должен был увидеть световой тоннель и некоего крылатого субъекта, делающего мне ручкой, проходи, мол. Либо рогатого, что в моем случае намного логичнее. Или Сестру, что предпочтительнее. Встречались уже с ней, было дело, а со знакомыми и родственниками всяко

приятнее общаться и путешествовать, даже если это путешествие на тот свет.

Но вместо кого-либо из вышеперечисленных я увидел... глаза. Огромные, зеленые, казалось, заполнившие собой всю вселенную...

Впрочем, морок быстро прошел, и я понял, что не мигая смотрю на «всадницу», и что от этого немигания у меня безумно жжет под веками...

Я сморгнул. Потом еще раз. Отлично. Значит, двигаться могу. Теперь неплохо было бы выяснить, что все это значит.

Но зеленоглазая меня опередила.

– Меня зовут Касси, – просто сказала она. – А тебя – Снайпер, Снар, Камай-нанги, Побратим смерти. Не удивляйся. «Фотошоп» был уникальным артефактом, после воздействия которого у многих проявлялись различные побочные эффекты. Мой эффект таков, что, прикоснувшись к человеку, я мгновенно узнаю все его прошлое. Значит, ты женился на Сорок Пятой, бросил ее, а теперь хочешь спасти. Так, может, лучше было не бросать?

– Я просто ушел, – хрипло проговорил я. – Когда появляется кто-то третий, одному нужно просто уйти. Или убить третьего. В моем случае тот третий был моим учеником, пожалуй, даже другом. Поэтому я предпочел первый вариант...

Я хотел сказать что-то еще, но замолчал, так как понял, что, фактически, стою сейчас и оправдываюсь перед незнакомой девчонкой, которая беспардонно, без спроса влезла в мое прошлое – причем оправдываюсь в том, о чем давно запретил себе даже думать!

Меня аж передернуло от осознания такого нереального бреда, происходящего со мной наяву.

– С дороги! – рявкнул я, разъярившись не на шутку. И шагнул вперед. Не отойдет в сторону – ее проблемы.

Она посторонилась, пропуская меня, и уже в спину бросила:

– Просто я хотела тебе помочь. Сорок Пятая была моей подругой...

Я не сбавил хода. Плевать, чьей подругой была эта зеленоглазая ведьма. И на фиг я ее спасал? Чтоб она в моей голове покопалась, а потом принялась анализировать, в чем я был прав тогда, а в чем нет? И на хрена мне такой бесплатный сервис?

Не, реально, надо серьезно пересмотреть свой моральный кодекс. Давно ж уже выяснено и проговорено великим Лао-цзы – мудрый человек очень осторожно и выборочно делает добро, ибо за него большинство людей норовит отблагодарить тем, чего у них в избытке. И чаще всего это ненависть, зависть, злоба, презрение, страх, отчаяние... Негатива у этого большинства всегда бывает предостаточно, а вот желание ответить добром за добро встречается так же редко, как крупницы золота в навозной куче.

А девушка продолжала говорить.

– Я увидела твой сон, тот, что приснился тебе в Гнилой роще. И я знаю того, кто так упорно ищет тебя.

Знает?

Я невольно замедлил шаг, потом и вовсе остановился.

Блин, а ведь бармен, умирая, сказал мне: «Найди Касси... Она знает...» А что она знает, так и не договорил. Получатся, вот эту зеленоглазую «всадницу»- полумутанта я и должен был отыскать, чтобы... Чтобы что? Да бес его знает, зачем умирающий дал мне такой совет. Но в Зоне случайностей не бывает, это я уяснил давно. И тот, кто игнорирует молчаливые знаки Зоны, очень скоро оказывается под грубым деревянным крестом, либо в желудках мутантов, привычных жрать вредную пищу, добросовестно отравленную просроченными консервами и паленой водкой.

Я повернулся:

– И кто он такой?

Черт, и до чего же у нее нереально-красивые глазищи... Нет, я не забыл о девушке с другими глазами цвета чистого неба, но и ханжой я не был – любой, даже безнадежно влюбленный мужик неосознанно отмечает красоту других женщин. Это природа, переть против которой бесполезно.

– Я расскажу, – устало вздохнула она. – Но сначала за автоматом схожу – он там на стене остался.

– Сходи, – пожал я плечами.

– Потом, может, привал сделаем? – поинтересовалась она с едва заметными просительными нотками в голосе. – Меня уже ноги не держат, а тут еще эти трупы, воняющие разорванными кишками...

В чем-то она была права. Признаться, после утренних приключений и маршброска по разбитому шоссе и я подустал неслабо. К тому же и почистить трофейное оружие было бы невредно – каждый военный знает, что оно трофейное до первой чистки. Дальше будет уже твое. И по ситуации самому бы тоже хотелось руки с мордой слегка ополоснуть, смыть корку засохшего пота, густо замешанного на чужой крови.

– Ладно, – согласился я, наметанным взглядом окидывая местность, пока она бегала за автоматом, валяющимся среди дохлых мутантов. Значит, все же ее взвизг слышал я на подходе к этому месту. Сначала стреляла, потом, когда кончились патроны, завизжала, словно разъяренная кошка, и схватилась за ножи. Ладно, Касси или как тебя там, заработала ты этим еще один плюс к своей карме. Уважаю тех, кто никогда не сдается вне зависимости от их пола, возраста и принадлежности к человеческой расе.

* * *

Слева от бетоноперегрузочного узла растительность была явно гуще, и даже с вялой прозеленью, в отличие от нездоровой желто-красной листвы корявых деревьев, росших вокруг. Исходя из чего можно было предположить, что в том месте имеется то ли ручей, то ли болотце. Второе, конечно, вероятнее, но и болотная вода сойдет для того, чтоб хотя бы руки помыть, а то уж больно они зудят – по ходу, брызнуло на них что-то из развороченного пулей кишечника

квазимяса.

– Туда, – коротко бросил я, и пошел к деревьям не оборачиваясь. В любой команде всегда должен быть старший, и если сразу не обозначить приоритеты, дальше принимать решения будешь уже не ты, а кто-то другой. Судя по замашкам этой девицы за ней не задержится попробовать порулить мужиком, столь удачно подвернувшимся под руку. Так что лучше сразу дать понять что к чему.

Судя по шагам за моей спиной, она все поняла и не возражала. Вот и отлично.

...Я не ошибся. За рощей полудохлых деревьев оказалось не болото, а небольшой пруд, густо заросший камышами. Пруд был явно рукотворный, почти идеально круглой формы. Не иначе, его выкопали строители бетоноперегрузочного узла, чтоб далеко не ходить за водой – благо техника позволяла. К тому же среди тех неведомых строителей нашелся специалист по копанью колодцев, выбравший верное место. Пруд явно подпитывался подземными ключами, и потому его не затянуло ядовито-кислотной ряской, как это случилось со многими водоемами Зоны.

Я сбросил рюкзак на землю и принялся его распаковывать. А Касси сама, без дополнительных намеков занялась костром – благо под деревьями валялось много сухих веток. Еще один плюс ей. Понимает, что к чему.

В результате совместных действий через четверть часа в костре уже подогревались банки с тушенкой, а я расположился рядом для чистки оружия. Один ствол заряжен, лежит рядом наготове, второй – в работе.

Касси бросила на меня вопросительный взгляд.

– Иди, – кивнул я. – Посторожу.

Ну, она и пошла к пруду, на ходу снимая с себя куртку, заляпанную пятнами крови квазимяса. Я же, поборов естественное желание задержать взгляд на этой картине, сосредоточился на чистке оружия и одновременном сканировании местности. Занятие непростое, но для нашего брата-сталкера привычное. Рассеянное зрение выручает.

Сбоку от меня послышался плеск. Стирается, ножи-мечи свои моет. Потом, небось, купаться ползет. Потом одежду будет сушить над костром в чем мать родила. Ничего, на этот раз мне точно не до мимолетных связей. Переживем как-нибудь. Была однажды похожая ситуация, помнится, не сдержался. Но тогда под ментальным воздействием был, так что простительно. Сейчас же оно точно ни к чему.

В общем, все произошло так, как я и предполагал. Постирала одежду, искупалась, пришла, соорудила рогульки, развесила камуфлю над костром и, как ни в чем не бывало, села напротив в костюме Евы, протерла отмытые от крови кукри сухой травой, после чего занялась своим автоматом.

Я же закончил с «калашом», примкнул к нему полный магазин и занялся «КС-23». Карабин был далеко не в идеальном состоянии, хотя могло быть и хуже. Пришлось попотеть, приводя оружие в норму. При этом мое рассеянное зрение продолжало работать по местности, одновременно захватывая и фигуру напротив. Надо сказать, идеальную фигуру, что, впрочем, не удивительно.

«Фотошопом» многие девушки правили не только лицо, но и тело, нисколько не заботясь о последствиях, которые могли быть страшными – фонил артефакт убийственно. Жена в свое время рассказывала: чтоб разом не хапнуть смертельную дозу радиации, правились им в несколько заходов, причем многие теряли сознание от ужасной боли. Наркоз был противопоказан, от него при работе «фотошопом» практически гарантированно открывались внутренние кровотечения. Так что девчонки терпели, сжимая зубами деревянные бруски и воя при этом ранеными волчицами. Но давно известно, что ради своей красоты любая женщина готова стерпеть любые страдания. Так что боюсь представить, через какие муки прошла эта Касси для того, чтобы заполучить себе такую внешность.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

События романа Дмитрия Силлова «Закон “дегтярева”» литературной серии «СТАЛКЕР».

2

События романа Дмитрия Силлова «Закон Призрака» литературной серии «СТАЛКЕР».

3

Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон Снайпера».

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/sillov_dmitriy/zakon-klyka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)